ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ц Е 1
К861

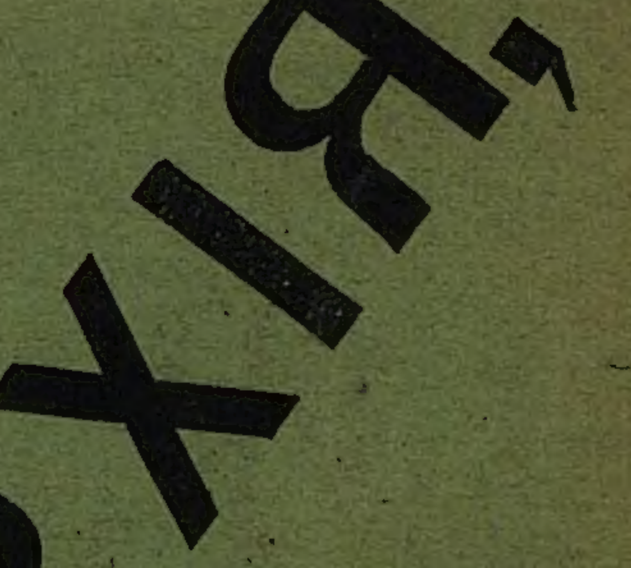

Davidoff

ПЕТРЪ КРОПОТКИНЪ.

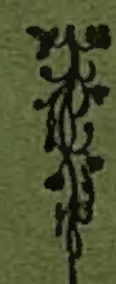
ЦЕI
К 861

АНАРХІЯ,

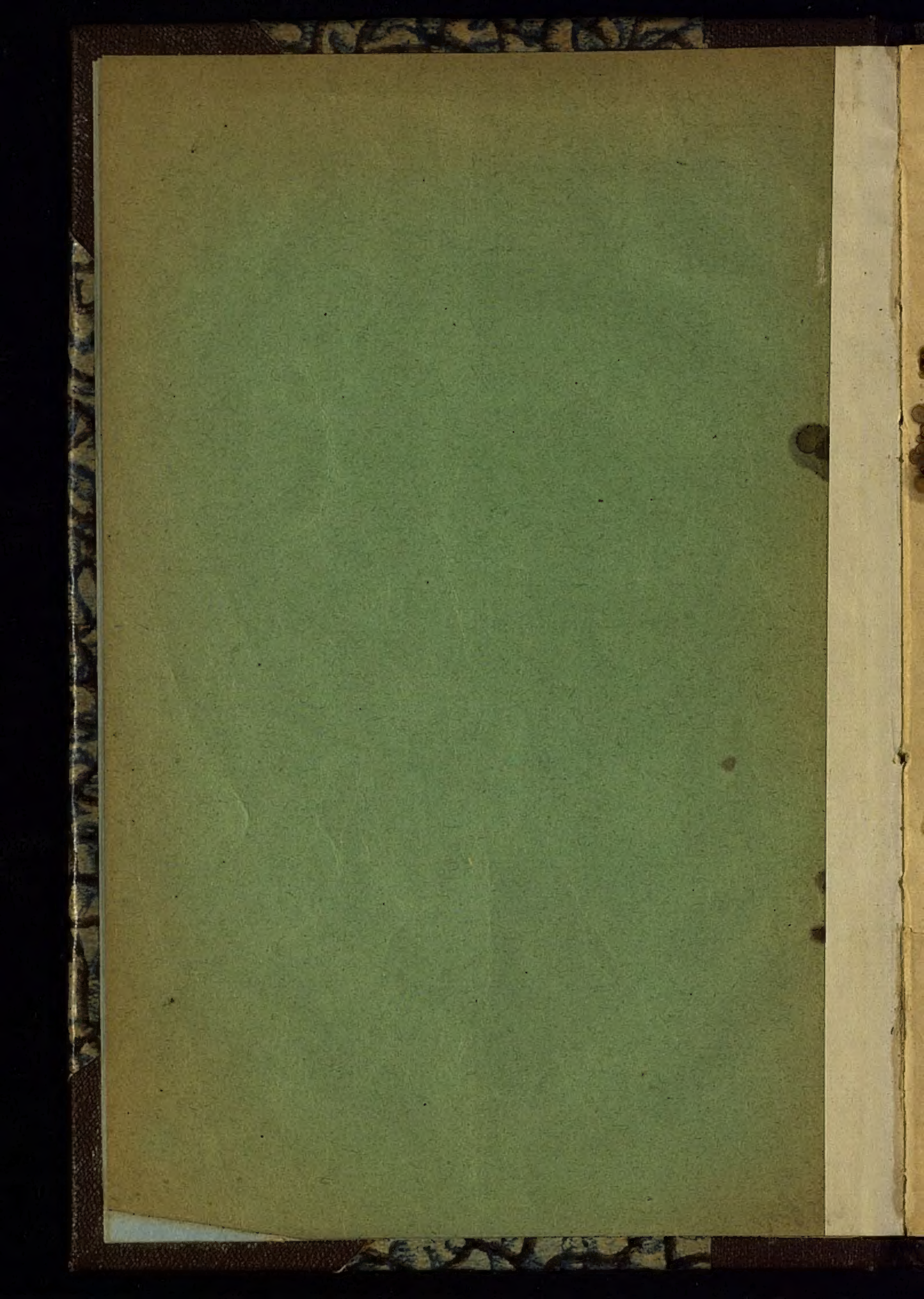
ЕЯ ФИЛОСОФІЯ,
ЕЯ ИДЕАЛЪ.

London.

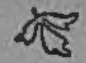
1906 г.

Цѣна 3 пенса.
» 35 сантим.
» 10 сентовъ.

П. КРОПОТКИНЪ.

АНАРХІЯ, ЕЯ ФИЛОСОФІЯ, ЕЯ ИДЕАЛЪ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.
(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

ГРУППА РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ
АНАРХИСТОВЪ — КОММУНИСТОВЪ. ЛОНДО НЪ 1906.

Введеніе: Измѣненія в основных положеніях науки. — от общаго к частному

Коммунизм и мечты

Государство и общественное правосознание

Зачем

Іеринг — „Цѣль в правѣ“ Принудительные средства
1) [illegible]
2) закон
3) общественное мнѣние

Власть и человек

Наказаніе, воспитаніе, общественное [illegible] [illegible]

ЦЕ1
К 861

Библиотека ИМЭЛ

4-3119

2011

АНАРХІЯ,

ЕЯ ФИЛОСОФІЯ, ЕЯ ИДЕАЛЪ.

Не безъ нѣкотораго колебанія рѣшился я избрать предметомъ настоящей лекціи *) философію и идеалъ анархизма. Многіе до сихъ поръ еще думаютъ, что анархизмъ есть ничто иное какъ рядъ мечтаній о будущемъ, или безсознательное стремленіе къ разрушенію всей существующей цивилизаціи. Этотъ предразсудокъ привитъ намъ нашимъ воспитаніемъ, и для его устраненія необходимо болѣе подробное обсужденіе вопроса, чѣмъ то, которое возможно въ одной лекціи. Въ самомъ дѣлѣ давно-ли — всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ — въ парижскихъ газетахъ пресерьезно утверждалось, что единственная философія анархизма — разрушеніе, а единственный аргументъ — насиліе!

Тѣмъ не менѣе, объ анархистахъ такъ много говорилось за послѣднее время, что нѣкоторая часть публики, стала, наконецъ, знакомиться съ нашими теоріями и обсуждать ихъ, иногда даже давая себѣ трудъ подумать надъ ними; и въ настоящую минуту мы можемъ считать, что одержали побѣду по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ: теперь уже часто признаютъ, что у анархиста есть нѣкоторый идеалъ — идеалъ, который даже находятъ слишкомъ высокимъ и прекраснымъ для общества, не состоящаго изъ однихъ избранныхъ.

Но не будетъ ли съ моей стороны слишкомъ смѣлымъ говорить о философіи въ той области, гдѣ по мнѣнію нашихъ

---

*) Набросокъ этой лекціи былъ написанъ, когда я ѣхалъ въ Парижъ, прочесть тамъ двѣ лекціи объ Анархіи. Прочесть эту лекцію мнѣ не удалось, такъ какъ меня заарестовали въ Дьешѣ и во Францію не пустили. Приготовляя ее къ печати, я подробнѣе развилъ нѣкоторые отдѣлы, сохраняя, однако, форму лекціи.

критиковъ, нѣтъ ничего, кромѣ туманныхъ видѣній отдаленнаго будущаго? Можетъ ли анархизмъ претендовать на философію, когда ея не признаютъ за соціализмомъ вообще?

Я постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ по возможности ясно и точно, причемъ заранѣе извиняюсь передъ вами въ томъ, что нѣкоторые изъ примѣровъ, которыми я воспользуюсь, заимствованы изъ одной лекціи, читанной мною въ Лондонѣ. Но эти примѣры, мнѣ кажется, лучше помогутъ выяснить, что именно нужно подразумѣвать подъ философіей анархизма.

* *
*

Вы, конечно, не посѣтуете на меня, если я прежде всего возьму нѣсколько простыхъ примѣровъ изъ области естествознанія. Я нисколько не имѣю при этомъ въ виду принять ихъ за основу для нашихъ общественныхъ воззрѣній — далеко нѣтъ; я просто думаю, что они помогутъ мнѣ выяснить нѣкоторыя отношенія, которыя легче понять на явленіяхъ, принадлежащихъ къ области точныхъ наукъ, чѣмъ на примѣрахъ, почерпнутыхъ исключительно изъ сложныхъ фактовъ жизни человѣческихъ обществъ.

Что больше всего поражаетъ насъ въ настоящее время въ этихъ наукахъ, это — та глубокая перемѣна, которая происходитъ въ послѣдніе годы во всемъ ихъ способѣ пониманія и истолкованія природы.

Вы знаете, что было время, когда человѣкъ считалъ себя центромъ вселенной. Солнце, луна, планеты и звѣзды казались ему вращающимися вокругъ нашей планеты, а эта планета, на которой жилъ онъ самъ, — центромъ творенія. Самъ же онъ являлся въ своихъ собственныхъ глазахъ высшимъ существомъ своей планеты, избранникомъ творца. И солнце, и луна, и звѣзды существовали для него одного; на него одного было обращено все вниманіе бога, который наблюдалъ за малѣйшими его поступками, останавливалъ для него движеніе солнца, парилъ въ облакахъ и посылалъ на поля и города дождь или грозу въ награду за добродѣтели или въ наказаніе за преступленія жителей. Втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій человѣкъ представлялъ себѣ вселенную именно такимъ образомъ.

Но въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда было доказано, что земля не только не центръ вселенной, но не болѣе какъ песчинка въ солнечной системѣ, не болѣе какъ шаръ, гораздо меньшій по величинѣ, чѣмъ многія другія планеты; что само солнце — это громадное свѣтило по сравненію съ нашей землей — есть не болѣе какъ одна изъ тѣхъ безчисленныхъ звѣздъ,

которыя мы видимъ свѣтящимися на небѣ и составляющими своей массой млечный путь, — въ міросозерцаніи людей произошла, какъ вы знаете, огромная перемѣна. Какимъ ничтожнымъ показался тогда человѣкъ въ сравненіи съ этой безконечностью, какими смѣшными показались его претензіи! Измѣненіе космогоническихъ взглядовъ отразилось на всей философіи на всѣхъ общественныхъ и религіозныхъ взглядахъ того времени. Лишь съ той поры начинается то развитіе естественныхъ наукъ, которымъ такъ гордимся мы теперь.

Въ настоящее время, однако, во всѣхъ отрасляхъ науки происходитъ еще болѣе глубокая и еще болѣе существенная перемѣна, и анархизмъ представляетъ собою, какъ вы увидите, ничто иное, какъ одно изъ многочисленныхъ проявленій этой эволюціи, какъ одну изъ отраслей этой новой нарождающейся философіи.

* * *

Возьмите любое сочиненіе по астрономіи конца прошлаго или начала этого вѣка. Само собою разумѣется, что вы не встрѣтите тамъ утвержденія, что наша маленькая планета занимаетъ центръ вселенной; но зато вы найдете на каждомъ шагу представленіе о громадномъ свѣтилѣ — Солнцѣ — управляющемъ, посредствомъ силы притяженія, всѣмъ нашимъ планетнымъ міромъ. Отъ этого центральнаго свѣтила исходитъ сила, направляющая движеніе его спутниковъ и поддерживающая гармонію всей системы. Планеты родятся изъ нѣкоторой центральной массы, представляя собою, такъ сказать, не болѣе какъ продуктъ ея почкованія. И этой центральной массѣ, мѣсто которой заступило теперь наше лучезарное солнце, онѣ обязаны всѣмъ: ритмомъ своихъ движеній, своими искусно распредѣленными орбитами, жизнью, оживляющей и украшающей ихъ поверхность. Если какія нибудь причины стремятся нарушить ихъ теченіе, заставить ихъ уклониться отъ своихъ орбитъ, центральное свѣтило возстановляетъ порядокъ въ системѣ, охраняя ее и обезпечивая такимъ образомъ на вѣки ея существованіе.

И вотъ, это-то міросозерцаніе исчезаетъ въ свою очередь, какъ исчезло старое. Астрономъ, сосредоточивавшій раньше все свое вниманіе на солнцѣ и крупныхъ планетахъ, обращается теперь къ изученію безконечно малыхъ, населяющихъ вселенную. Онъ видитъ, что междупланетныя и междузвѣздныя пространства заполнены всюду мелкими скопленіями вещества, — невидимыми и ничтожными, если ихъ разсматривать въ отдѣльности, но всемогущими по своей численности. Изъ этихъ скопленій одни довольно велики — какъ напримѣръ тотъ болидъ, который еще такъ недавно распро-

странилъ ужасъ въ Испаніи; другія, наоборотъ, вѣсятъ не болѣе нѣсколькихъ лотовъ и золотниковъ, а вокругъ нихъ носятся еще болѣе мелкія, почти микроскопическія пылинки и газы, заполняющие собою все пространство.

И именно въ этихъ пылинкахъ, въ этихъ безконечно-малыхъ, несущихся въ пространствѣ по всѣмъ направленіямъ съ громадной скоростью, сталкивающихся, сливающихся и распадающихся повсюду и постоянно, именно въ нихъ ищетъ современный астрономъ объясненія, какъ происхожденія нашей системы — солнца, планетъ и ихъ спутниковъ, — такъ и движеній, свойственныхъ этимъ различнымъ тѣламъ, и гармоніи во всей солнечной системѣ. Еще одинъ шагъ — и само всемірное тяготѣніе окажется не болѣе, какъ равнодѣйствующей безпорядочныхъ и безсвязныхъ движеній этихъ безконечно-малыхъ, — колебаній атомовъ, происходящихъ по всевозможнымъ направленіямъ.

Такимъ образомъ, центръ силы, перенесенный раньше съ земли на солнце, оказывается теперь раздробленнымъ, разсѣяннымъ повсюду: онъ вездѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ. Мы видимъ, вмѣстѣ съ астрономомъ, что солнечныя системы суть не болѣе какъ продуктъ сложенія безконечно-малыхъ; что сила, которую разсматривали прежде какъ управляющую всей системой, есть, можетъ быть, сама не болѣе какъ равнодѣйствующая столкновеній этихъ безконечно малыхъ; что гармонія звѣздныхъ системъ — гармонія только потому, что она представляетъ собою извѣстное приспособленіе, извѣстную равнодѣйствующую этихъ безчисленныхъ движеній, слагающихся, заполняющихъ и уравновѣшивающихъ другъ друга.

Вся вселенная принимаетъ, при этомъ новомъ міросозерцаніи, иной видъ. Представленіе о силѣ, управляющей міромъ, о предустановленномъ законѣ и предустановленной гармоніи исчезаетъ, уступая мѣсто той гармоніи, которую отчасти предвидѣлъ Фурье и которая есть ничто иное какъ равнодѣйствующая движеній безчисленныхъ скопленій вещества, двигающихся независимо одно отъ другого и взаимно поддерживающихъ другъ друга въ равновѣсіи.

* * *

И не въ одной астрономіи происходитъ такая перемѣна. То же самое мы видимъ въ философіи всѣхъ наукъ безъ исключенія, какъ тѣхъ которыя занимаются природой, такъ и тѣхъ, которыя имѣютъ дѣло съ человѣкомъ.

Въ физикѣ исчезаютъ отвлеченныя понятія о теплотѣ магнитизмѣ,электричествѣ. Когда въ настоящее время физикъ говоритъ о нагрѣтомъ или наэлектризованномъ тѣлѣ,

оно уже не представляется ему въ видѣ безжизненной массы, къ которой прилагается невѣдомая сила. Онъ старается открыть, какъ въ этомъ тѣлѣ, такъ и въ окружающемъ его пространствѣ, движенія и колебанія безкнечно-малыхъ атомовъ, двигающихся по всѣмъ направленіямъ, колеблющихся, живущихъ и производящихъ своими столкновеніями, своею жизнью, всѣ явленія теплоты, свѣта, магнитизма или электричества.

Въ наукахъ, изучающихъ живыя существа, постепенно исчезаетъ понятіе о видѣ и его измѣненіяхъ и его мѣсто занимаетъ понятіе объ индивидуумѣ, особи. Ботаникъ и зоологъ изучаютъ индивидуума — его жизнь, его приспособленіе къ средѣ. Перемѣны, вызываемыя въ отдѣльныхъ особяхъ сухостью или сыростью воздуха, тепломъ или холодомъ, обиліемъ или недостаткомъ пищи, большей или меньшей чувствительностью къ вліяніямъ окружающей среды, ведутъ къ образованію видовъ. Измѣненіе вида представляетъ теперь собою для біолога ничто иное, какъ равнодѣйствующую, какъ сумму измѣненій, происшедшихъ въ каждомъ индивидуумѣ въ отдѣльности. То, каковъ видъ, зависитъ отъ того, каковы составляющіе его индивидуумы, испытывающіе на себѣ безчисленныя вліянія окружающей среды и реагирующіе на эти вліянія каждый по своему.

Точно также, когда физіологъ говоритъ о жизни какого нибудь растенія или животнаго онъ имѣетъ въ виду скорѣе нѣкоторую агломерацію, состоящую изъ милліоновъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, чѣмъ единую и нераздѣльную особь. Онъ говоритъ о федераціи пищеварительныхъ органовъ, органовъ чувствъ, нервной системы и т. д. — органовъ, очень тѣсно связанныхъ между собою, отражающихъ на себѣ хорошее или дурное состояніе каждаго изъ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, живущихъ, каждый, своею особою жизнью. Въ свою очередь, всякій органъ, всякая его часть состоитъ изъ независимыхъ клѣтокъ, соединяющихся другъ съ другомъ для борьбы съ неблагопріятными для ихъ существованія условіями. Каждый индивидуумъ представляетъ собою цѣлый міръ федерацій, заключаетъ въ себѣ цѣлый космосъ.

Въ этомъ мірѣ физіологъ находитъ независимыя клѣтки крови, различныхъ тканей, нервныхъ центровъ; находитъ милліарды бѣлыхъ тѣлецъ — фагоцитовъ, направляющихся къ тѣмъ частямъ тѣла, которыя задѣты микробами, для борьбы съ этими врагами. Мало того: въ каждой микроскопической клѣткѣ онъ видитъ теперь цѣлый міръ независимыхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею жизнью, стремится къ своему благу и достигаетъ его, группируясь и соединяясь съ другими элементами. Каждый индивидуумъ

однимъ словомъ, представляетъ собою міръ органовъ, каждый органъ — цѣлый міръ клѣтокъ, каждая клѣтка — міръ безконечно-малыхъ, и въ этомъ сложномъ мірѣ благосостояніе цѣлаго зависитъ вполнѣ отъ размѣровъ благосостоянія, которыми пользуются мельчайшія микроскопическія частицы организованного вещества. Цѣлый переворотъ происходитъ такимъ образомъ въ философіи жизни.

* * *

Но особенно важны послѣдствія этого переворота въ области психологіи.

Еще совсѣмъ недавно психологъ говорилъ о человѣкѣ, какъ о единомъ и нераздѣльномъ цѣломъ. Согласно религіозной традиціи, онъ дѣлилъ людей на добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ, эгоистовъ и альтруистовъ. Представленіе о душѣ какъ цѣломъ даже существовало еще у матеріалистовъ XVIII в.

Но что сказали бы въ наше время ученые, если бы психологъ заговорилъ теперь о чемъ нибудь подобномъ? Человѣкъ представляетъ собою теперь для психолога множество отдѣльныхъ способностей, множество независимыхъ стремленій, равныхъ между собою, функціонирующихъ независимо другъ отъ друга, постоянно уравновѣшивающихъ другъ друга, постоянно находящихся въ противорѣчіи между собою, Взятый въ цѣломъ, человѣкъ представляется современному психологу, какъ вѣчно измѣняющаяся равнодѣйствующая всѣхъ этихъ разнообразныхъ способностей, этихъ независимыхъ стремленій мозговыхъ клѣтокъ и нервныхъ центровъ. Всѣ онѣ связаны между собою и вліяютъ другъ на друга, но каждый и каждая изъ нихъ живетъ своею независимою жизнью, не подчиняясь никакому центральному органу, никакой душѣ.

* * *

Мнѣ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшія подробности: сказаннаго достаточно, чтобы показать, какое глубокое измѣненіе происходитъ въ настоящее время въ области естественныхъ наукъ. Измѣненіе это заключается не въ томъ, что они изучаютъ теперь такія подробности, которыми пренебрегали раньше. Далеко нѣтъ: факты остаются тѣ же, но измѣняется самый способъ ихъ пониманія. Чтобы охарактеризовать въ немногихъ словахъ это новое направленіе, мы можемъ сказать, что прежде наука занималась изученіемъ крупныхъ результатовъ и крупныхъ суммъ (математикъ сказалъ бы: интеграловъ), тогда какъ теперь она изучаетъ главнымъ образомъ безконечно-малыя величины — т. е. тѣхъ ин-

дивидуумовъ, изъ которыхъ составляются эти суммы и въ которыхъ ученый увидалъ, наконецъ, элементы самостоятельные, индивидуализированные, но, въ то же время, тѣсно связанные между собою.

Что же касается до гармоніи, которую человѣческій умъ находитъ въ природѣ и которая есть въ сущности ничто иное, какъ проявленіе извѣстнаго постоянства явленій, то, несомнѣнно, современный ученый признаетъ ее въ настоящее время больше, чѣмъ когда бы то ни было; но онъ уже не стремится объяснить ее дѣйствіемъ „законовъ", созданныхъ по опредѣленному плану, предустановленныхъ какою то разумною волею.

То, что называлось прежде „естественнымъ закономъ", представляется намъ не болѣе, какъ улавливаемымъ нами отношеніемъ между извѣстными явленіями; каждый такой „законъ" получаетъ теперь условную форму причинности, т. е.: „если при такихъ-то условіяхъ произойдетъ такое-то явленіе, то за нимъ послѣдуетъ другое такое-то явленіе". Внѣ явленій нѣтъ закона; каждое явленіе управляется не закономъ, а тѣмъ явленіемъ, которое ему предшествовало.

Въ томъ, что мы называемъ гармоніей природы, не проявляется никакая предвзятая мысль; для ея установленія достаточно было случайныхъ столкновеній и сочетаній. Одно явленіе, напримѣръ, будетъ существовать впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ, потому что для установленія той приспособленности къ условіямъ, того равновѣсія которое оно выражаетъ, потребовались вѣка; другое явленіе просуществуетъ лишь одно мгновеніе потому что эта временная форма равновѣсія возникла мгновенно. Если планеты нашей солнечной системы не сталкиваются ежедневно и не разбиваются другъ о друга, а существуютъ впродолженіе милліоновъ вѣковъ, то это зависитъ отъ того, что онѣ представляютъ собою такую форму равновѣсія, на установленіе которой, какъ равнодѣйствующей цѣлыхъ милліоновъ слѣпыхъ силъ, потребовались милліоны вѣковъ. Если материки не подвергаются ежегодно разрушенію вслѣдствіе вулканическихъ сотрясеній, то причина этого въ томъ, что тысячи вѣковъ понадобились имъ, чтобы воздвигнуться частица за частицей и принять настоящую свою форму. Напротивъ того, молнія длится одно мгновеніе, потому что представляетъ собою минутное нарушеніе равновѣсія и внезапное перераспредѣленіе еще не уравновѣшенныхъ силъ.

Такимъ образомъ гармонія въ природѣ является для насъ временнымъ равновѣсіемъ, устанавливающимся между различными силами, — нѣкоторымъ временнымъ приспособленіемъ, которое можетъ существовать лишь при условіи по-

стояннаго видоизмѣненія, представляя собою въ каждый данный моментъ равнодѣйствующую всѣхъ противуположныхъ силъ. Стоитъ только одной изъ этихъ силъ оказаться стѣсненной на время въ своемъ дѣйствіи, и гармонія исчезнетъ. Способность къ дѣйствію будетъ тогда постепенно накопляться въ данной силѣ и рано или поздно должна будетъ проявится, должна будетъ обнаружиться. Если другія силы будутъ ей противодѣйствовать, она все таки не исчезнетъ, а нарушитъ, въ концѣ концовъ, равновѣсіе и разрушитъ гармонію, чтобы найти новое равновѣсіе, новую форму приспобленія. Такъ бываетъ въ вулканическихъ изверженіяхъ, когда заключенная внутри сила пробиваетъ, наконецъ, застывшую лаву, которая мѣшаетъ выходу газовъ, расплавленной лавы и раскаленнаго пепла. Такъ бываетъ и въ революціяхъ.

* *

Аналогичное измѣненіе въ методахъ мышленія совершается въ то же время и въ наукахъ, занимающихся человѣкомъ.

Мы видимъ, напримѣръ, что исторія, бывшая когда-то исторіей царствъ, стремится сдѣлаться исторіей народовъ и изученіемъ личностей. Историкъ стремится узнать, какъ жили въ данную эпоху члены той или другой націи, каковы были ихъ вѣрованія, ихъ средства существованія, какой общественный идеалъ рисовался въ ихъ воображеніи и какими средствами они обладали для его достиженія. Именно дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ, прежде оставлявшихся безъ вниманія, дастъ ключъ къ истолкованію великихъ историческихъ явленій.

Точно также ученый, занимающійся правомъ, уже не довольствуется изученіемъ того или иного свода законовъ. Подобно этнологу, онъ стремится отыскать зарожденіе послѣдователнаго ряда учрежденій, — стремится прослѣдить ихъ развитіе въ теченіе ряда вѣковъ, причемъ занимается не столько писаннымъ закономъ, сколько мѣстными обычаями, тѣмъ „обычнымъ правомъ", въ которомъ во всѣ эпохи находило себѣ выраженіе созидательное творчество безвѣстныхъ народныхъ массъ. Въ этомъ направленіи вырабатывается теперь совершенно новая отрасль науки, которая разрушитъ современемъ всѣ существующія понятія, внушаемыя намъ въ школѣ, и объяснитъ исторію такимъ же образомъ, какъ естественныя науки объясняютъ природу.

Наконецъ, политическая экономія, бывшая въ началѣ своего существованія изученіемъ богатства *народовъ*, становится теперь изученіемъ богатства *личностей*. Она ин-

тересуется не столько тѣмъ, ведетъ ли данная нація крупную внѣшнюю торговлю, сколько тѣмъ, — есть ли достаточно хлѣба въ хижинѣ крестьянина и рабочаго? Она стучится во всѣ двери — въ дворцы и въ трущобы — спрашивая какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго: «Въ какой степени удовлетворены ваши потребности въ необходимомъ и въ предметахъ роскоши?» И, убѣдившись, что у девяти-десятыхъ человѣчества не удовлетворены даже самыя настоятельныя потребности, она ставитъ себѣ тотъ же вопросъ, который поставилъ бы себѣ физіологъ, изучающій какое нибудь животное или растеніе, а именно: «Какимъ путемъ возможно удовлетворить потребностямъ всѣхъ съ наименьшей тратой силъ? Какимъ образомъ можетъ общество обезпечить каждому, а слѣдовательно и всѣмъ, наибольшую сумму благосостоянія и счастья?» Въ этомъ именно направленіи происходитъ измѣненіе экономической науки, которая такъ долго была простымъ перечисленіемъ явленій, истолкованныхъ въ интересахъ меньшинства богатыхъ, а теперь стремится сдѣлаться (или вѣрнѣе вырабатываетъ нужные для этого элементы) наукой въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. физіологіей человѣческихъ обществъ.

* * *

По мѣрѣ того, какъ въ наукѣ вырабатывается, такимъ образомъ, новая общая точка зрѣнія, новая философія, мы видимъ, что и понятіе объ обществѣ становится совершенно инымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Подъ именемъ анархизма возникаетъ новый способъ пониманія прошедшей и настоящей жизни обществъ и новый взглядъ на ихъ будущее, причемъ и то и другое проникнуто тѣмъ же духомъ, о которомъ мы говорили только что по поводу изученія природы. Анархизмъ является, такимъ образомъ, одной изъ составныхъ частей новаго міросозерцанія, и вотъ почему анархистъ имѣетъ такъ много точекъ соприкосновенія съ величайшими мыслителями и поэтами нашего времени.

Въ самомъ дѣлѣ: по мѣрѣ того, какъ человѣческій умъ освобождается отъ понятій, внушенныхъ ему меньшинствомъ, стремящимся упрочить свое господство и состоящимъ изъ духовенства, войска, судебныхъ властей и ученыхъ, оплачиваемыхъ за старанія увѣковѣчить это господство, по мѣрѣ того какъ онъ сбрасываетъ съ себя путы, паложенныя на него рабскимъ прошлымъ — вырабатывается новое понятіе объ обществѣ, въ которомъ уже нѣтъ мѣста такому меньшинству. Передъ нами рисуется уже общество, овладѣвающее всѣмъ общественнымъ капиталомъ, накопленнымъ тру-

домъ предыдущихъ поколѣній, и организующееся такъ, чтобы употребить этотъ капиталъ на пользу всѣхъ, не создавая вновь господствующаго меньшинства. Въ это общество входитъ безконечное разнообразіе личныхъ способностей, темпераментовъ и силъ; оно никого не исключаетъ изъ своей среды. Оно даже желаетъ борьбы этихъ разнообразныхъ силъ, такъ какъ оно сознаетъ, что эпохи, когда существовавшія разногласія обсуждались свободно и свободно боролись, когда никакая установленная власть не давила на одну изъ чашекъ вѣсовъ, были всегда эпохами величайшаго развитія человѣческаго ума. Признавая за всѣми своими членами одинаковое фактическое право на всѣ сокровища, накопленныя прошлымъ, это общество не знаетъ дѣленія на эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ, управляемыхъ и управляющихъ, подчиненныхъ и господствующихъ, а стремится установить въ своей средѣ извѣстное гармоническое соотвѣтствіе — не посредствомъ подчиненія всѣхъ своихъ членовъ какой нибудь власти,которая считалась бы представительницей всего общества, не попытками установить единообразіе, а путемъ призыва людей къ свободному развитію, къ свободному почину, къ свободной дѣятельности, къ свободному объединенію.

Такое общество непремѣнно стремится къ наиболѣе полному развитію личности, вмѣстѣ съ наибольшимъ развитіемъ добровольныхъ союзовъ — во всѣхъ ихъ формахъ, во всевозможныхъ степеняхъ, со всевозможными цѣлями — союзовъ, постоянно видоизмѣняющихся, носящихъ въ самихъ себѣ элементы своей продолжительности и принимающихъ въ каждый данный моментъ тѣ формы, которыя лучше всего соотвѣтствуютъ разнообразнымъ стремленіямъ всѣхъ. Это общество отвергаетъ всякую предустановленную форму, окаменѣвшую подъ видомъ закона; оно ищетъ гармонію въ постоянно-измѣнчивомъ равновѣсіи между множествомъ разнообразныхъ силъ и вліяній, изъ которыхъ каждое слѣдуетъ своему пути и которыя всѣ вмѣстѣ, именно благодаря этой возможности свободно проявляться и взаимно уравновѣшиваться, и служитъ лучшимъ залогомъ прогресса. давая людямъ возможность проявлять всю свою энергію въ этомъ направленіи.

Такое представленіе объ обществѣ и такой общественный идеалъ, несомнѣнно, не новы. Изучая исторію народныхъ учрежденій — родового строя, деревенской общины, первоначальнаго ремесленнаго союза или «гильдій», и даже средневѣковаго городского народоправства въ первыя времена его существованія, мы находимъ повсюду стремленія народа къ созданію обществъ именно этого характера — стремленіе, которому, конечно, всегда препятствовало господствовавшее

меньшинство. Всѣ народныя движенія носятъ на себѣ болѣе или менѣе этотъ отпечатокъ; такъ, у анабаптистовъ и у ихъ предшественниковъ мы находимъ ясное выраженіе этихъ самыхъ идей, несмотря на религіозный способъ выраженія, свойственный тому времени. Къ несчастью до конца прошлаго вѣка, къ этому идеалу примѣшивался всегда церковный элементъ, и только теперь онъ освободился изъ религіозной оболочки и превратился въ понятіе объ анархическомъ обществѣ, основанное на изученіи общественныхъ явленій.

Только теперь идеалъ такого общества, гдѣ каждымъ управляетъ исключительно его собственная воля (которая есть несомнѣнно, результатъ испытываемыхъ каждымъ индивидумомъ общественныхъ вліяній), только теперь этотъ идеалъ является одновременно въ своей экономической, политической и нравственной формѣ, опираясь на необходимость коммунизма, который, въ силу чисто общественнаго характера нашего производства, становится неизбѣжнымъ для современныхъ обществъ.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, мы очень хорошо знаемъ теперь, что пока существуетъ экономическое рабство, нечего толковать о свободѣ. Слова поэта:

«Не говори мнѣ о свободѣ:
Бѣднякъ останется рабомъ!»

теперь уже проникли въ умы рабочихъ массъ, во всю литературу нашего времени; они подчиняютъ себѣ даже тѣхъ, кто живетъ чужою бѣдностью, лишая ихъ той самоувѣренности, съ которой они заявляли прежде о своемъ правѣ на эксплуатацію другихъ.

Что современная форма присвоенія общественнаго капитала не должна болѣе существовать — въ этомъ согласны милліоны соціалистовъ стараго и новаго свѣта. Даже сами капиталисты чувствуютъ, что эта форма умираетъ и уже не рѣшаются защищать ее съ прежней смѣлостью. Вся ихъ аргументація сводится уже, въ концѣ концовъ, къ тому, что они упрекаютъ насъ въ томъ, что мы не придумали ничего лучшаго. Но ни отрицать гибельныхъ послѣдствій существующихъ формъ собственности, ни защищать свое право на нее они уже не рѣшаются. Они пользуются этимъ правомъ, пока имъ это позволяютъ, но не стремятся уже основать его на какомъ-нибудь принципѣ.

И это вполнѣ понятно.

Возьмите, напримѣръ, Парижъ — городъ, представляющій собою творчество столькихъ вѣковъ, продуктъ генія цѣлой

націи, результатъ труда двадцати или тридцати поколѣній. Можно ли увѣрить жителя этого города, постоянно работающаго для его украшенія, для его оздоровленія, для его прокормленія, для доставленія ему лучшихъ произведеній человѣческаго генія, для того, чтобы сдѣлать изъ него центръ мысли и искусства — можно ли увѣрить того, кто создаетъ все это, что дворцы, украшающіе улицы Парижа принадлежатъ по справедливости тѣмъ, кто является въ настоящее время ихъ законными собственниками, въ то время, какъ вся цѣнность ихъ создается нами всѣми и безъ насъ равнялась бы нулю.

Усиліями ловкихъ воспитателей народа этотъ обманъ можетъ поддерживаться втеченіе нѣкотораго времени. Надъ нимъ могутъ не задумываться даже сами рабочія массы. Но какъ только меньшинство мыслящихъ людей подняло и поставило передъ всѣми этотъ вопросъ, въ отвѣтѣ на него уже не можетъ быть сомнѣнія и народный умъ отвѣчаетъ: «Конечно, если отдѣльные люди присвоили себѣ лично всѣ эти богатства, то — только ограбивши всѣхъ».

Точно также, можно ли убѣдить крестьянина въ томъ, что та или другая земля, принадлежащая помѣщику, принадлежитъ ему по законному праву, когда этотъ крестьянинъ можетъ разсказать исторію каждаго кусочка земли на двадцать верстъ въ окружности? Можно ли, наконецъ, увѣрить его въ томъ, что лучше, чтобы такая-то земля была подъ паркомъ и усадьбой у такого-то помѣщика, тогда какъ кругомъ есть столько крестьянъ, которые съ радостію взялись бы ее пахать?

Возможно-ли, наконецъ, заставить заводскаго рабочаго или рудокопа, повѣрить тому, что заводъ и копи принадлежатъ по истинной справедливости ихъ теперешнимъ хозяевамъ, тогда какъ и рабочій и рудокопъ уже начинаютъ понимать смыслъ всѣхъ этихъ громадныхъ грабежей и захватовъ желѣзныхъ дорогъ и угольныхъ копей, и узнаютъ понемногу, какими путями законнаго грабежа богатые господа забираютъ земли и заводы.

Да и вѣрили ли, въ сущности, когда нибудь народныя массы во всѣ эти увертки экономистовъ, старавшихся не столько убѣдить рабочихъ, сколько увѣрить самихъ богачей въ законности ихъ захватовъ. Подавленные нуждой и не находя себѣ никакой поддержки въ обезпеченныхъ классахъ общества, крестьяне и рабочіе просто предоставляли вещи ихъ собственному теченію, лишь отъ времени до времени заявляя о своихъ правахъ возстаніями. И если городскіе рабочіе могли еще когда то думать, что придетъ время, когда частное владѣніе капиталомъ послужитъ, можетъ быть, къ общей пользѣ, накопляя массы богатствъ и дѣлясь ими со всѣми, то теперь

и это заблужденіе исчезаетъ, какъ многія другія. Рабочій начинаетъ убѣждаться, что онъ какъ былъ, такъ и остался обездоленнымъ; что для того, чтобы вырвать у своихъ хозяевъ хоть малѣйшую частицу накопленныхъ его усиліями богатствъ, ему приходится прибѣгать либо къ бунту, либо къ стачкѣ, — т. е. голодать и рисковать тюрьмою, а не то и попасть подъ пули императорскихъ, королевскихъ или республиканскихъ войскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ проявляется все яснѣе и яснѣе еще и другой, болѣе глубокій, недостатокъ существующаго порядка. Онъ заключается въ томъ, что при существованіи частной собственности, когда всѣ предметы, нужные для жизни и для производства — земли, жилища, пищевые продукты, орудія труда — находятся въ рукахъ немногихъ, эти немногіе постоянно мѣшаютъ выращивать хлѣбъ, строить дома, ткать, и вообще — производить всего столько, сколько нужно, чтобы доставить достатокъ каждому. Рабочій смутно сознаетъ что наша техника, наши машины, настолько могущественны, что могли бы доставить всѣмъ всего въ волю, но что капиталисты и государство мѣшаютъ этому повсюду. Имъ не нужно, чтобы крестьяне и рабочіе имѣли всего вдоволь: они боятся этого. Съ сытыми труднѣе справляться, чѣмъ съ голодными.

Мы не только не производимъ хлѣба, всякой пищи, всякаго платья и прочаго больше, чѣмъ нужно, чтобы всѣмъ хватало вдоволь, но мы далеко не производимъ того, что обязательно необходимо.

Въ современныхъ государствахъ, когда крестьянинъ смотритъ на помѣщичь и необработанныя поля, на ихъ усадьбы и сады, охраняемые судьями и урядниками, онъ отлично понимаетъ это; не даромъ онъ думаетъ о томъ, какъ хорошо было бы распахать эти пустыри и выращивать на нихъ хлѣбъ, котораго не хватаетъ по деревнямъ.

Когда углекопу приходится сидѣть три дня въ недѣлю сложа руки, — а въ Англіи это дѣлается постоянно, какъ только цѣны на каменный уголь начинаютъ падать — онъ думаетъ о томъ, сколько угля онъ могъ бы добыть и какъ хорошо было бы, если бы въ каждой рабочей семьѣ было чѣмъ топить печь.

Точно также, когда на заводѣ нѣтъ работы и рабочему приходится слоняться безъ дѣла и онъ встрѣчаетъ каменьщиковъ, тоже слоняющихся безъ работы, сапожниковъ, жалующихся на безработицу и т. д., — онъ отлично понимаетъ, что въ обществѣ что то не ладно. Онъ знаетъ, что столько народа живетъ въ самыхъ отчаянныхъ трущобахъ, что ребятишки ходятъ босикомъ — и что все это нужно рабочему. Да

только кто-то мѣшаетъ людямъ все это строить и дѣлать, и все это для того, чтобы трущобу сдать за дорогую цѣну, а голоднаго рабочаго загнать на фабрику за самое скудное жалованье.

Когда господа ученые пишутъ толстыя книги о томъ, что слишкомъ много вырастили хлѣба и наткали миткалей и объясняютъ именно этой причиной плохія времена на фабрикахъ, они, въ сущности, очень затруднились бы отвѣтомъ, если бы мы ихъ попросили назвать, чего-это въ Англіи, во Франціи, въ Германіи или въ Россіи такъ уже много, что его уже и дѣлать нечего. Сколько хлѣба везутъ каждый годъ изъ Россіи, а между тѣмъ извѣстно, что если бы весь хлѣбъ, выращенный въ Россіи оставался въ самой Россіи — весь какъ еетъ — то и тогда его было бы круглымъ счетомъ всего 10 пудовъ на душу въ годъ, т. е. ровно столько, сколько нужно, чтобы никто не голодалъ. Лѣса, что-ли, много когда полъ-Россіи живетъ такъ тѣсно въ избахъ, что по десяти человѣкъ спятъ въ одной комнатѣ. Или домовъ слишкомъ много въ городахъ? Дворцовъ, точно, многовато, а квартиръ порядочныхъ для рабочихъ такъ мало, что половина городскихъ рабочихъ живетъ опять-таки по пяти и по десяти человѣкъ въ одной комнатѣ. Или книгъ слишкомъ много, когда цѣлые милліоны людей живутъ, не видя за годъ ни одной книги... Одного только дѣйствительно производится слишкомъ много — въ тысячи разъ больше, чѣмъ сколько ихъ нужно: это — чиновниковъ. Этихъ точно фабрикуютъ слишкомъ, слишкомъ много; только объ этомъ товарѣ что то не пишутъ въ ученыхъ книгахъ. А между тѣмъ — чѣмъ не товаръ! Покупай кто хочетъ!

То, что ученые называютъ «перепроизводствомъ», есть, въ сущности, то, что производится всякаго товара больше, чѣмъ могутъ купить рабочіе, раззоряемые хозяевами и государствомъ. Такъ оно и быть должно при теперешнемъ устройствѣ, потому что — какъ было замѣчено еще Прудономъ — рабочіе не могутъ одновременно покупать на свою заработную плату то, что они производятъ, и въ то же время доставлять обильную пищу всей арміи тунеядцевъ, которая сидитъ у нихъ на шеѣ.

По самой сущности современнаго экономическаго устройства, рабочій никогда не сможетъ пользоваться тѣми благами, которыя составляютъ продуктъ его труда; и число тѣхъ, которые живутъ на его счетъ будетъ все увеличиваться. Чѣмъ развитѣе страна въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ больше это число, потому что европеецъ эксплуатируетъ также при этомъ множество азіатовъ, африканцевъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, промышленность направляется, и *неизбѣжно должна направляться* не на то, въ чемъ чувствуется не-

достатокъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ, а на то, что въ данную минуту можетъ принести наиболѣе крупные барыши хозяевамъ. Избытокъ у богатыхъ неизбѣжно строится на бѣдности рабочихъ, и это бѣдственное положеніе большинства необходимо для того, чтобы всегда были рабочіе, готовые продать себя и работать, получая только часть того, что они способны наработать. Иначе капиталистъ не могъ бы богатѣть. А ему только это и нужно.

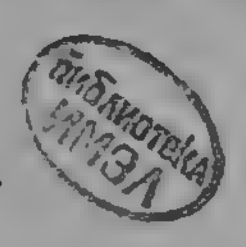
Эти отличительныя черты нашего экономическаго строя составляютъ самую сущность его. Безъ нихъ онъ не могъ бы существовать. Кто, въ самомъ дѣлѣ, сталъ бы продавать свою рабочую силу за цѣну меньшую чѣмъ то, что она можетъ выработать, если бы его не принуждалъ къ тому страхъ голода? Но эти-то существенныя обязательныя черты нашего строя и заключаютъ въ себѣ самое рѣшительное его осужденіе.

4-3/19

* * *

До тѣхъ поръ, пока Англія и Франція являлись первыми въ промышленности среди другихъ народовъ, отсталыхъ въ смыслѣ техническаго развитія; пока онѣ могли продавать свои бумажныя и шерстяныя ткани, свои шелка, свое желѣзо, свои машины, а также цѣлый рядъ предметовъ роскоши, по такимъ цѣнамъ, которыя давали имъ возможность обогащаться на счетъ своихъ покупателей, — до тѣхъ поръ можно было поддерживать въ рабочемъ ложную надежду на то, что и ему достанется когда нибудь болѣе или менѣе крупная часть добычи. Но теперь эти условія исчезаютъ. Народы, бывшіе отсталыми тридцать лѣтъ тому назадъ, стали въ свою очередь производить въ крупныхъ размѣрахъ бумажныя и шерстяныя ткани, шелки, машины и предметы роскоши. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности они обогнали даже англичанъ и французовъ и, не говоря уже о торговлѣ въ отдаленныхъ странахъ, гдѣ они вступаютъ въ соперничество съ своими старшими братьями, они начинаютъ уже соперничать съ ними и на ихъ собственныхъ рынкахъ. За послѣднее время Германія, Италія, Соединенные Штаты, Австрія, Россія и Швейцарія, Италія, Соединенные Штаты, Австрія, Россія и Японія сдѣлались странами крупной промышленности. За ними идутъ Мексика, Индія и даже Сербія; что же будетъ, когда и китайцы начнутъ подражать японцамъ и также начнутъ наводнять всемірный рынокъ своими ситцами, шелками, желѣзомъ и машинами?

Оттого, промышленные кризисы, т. е. времена застоя, приходятъ все чаще и чаще и длятся дольше, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства становятся чуть не постоянными. Оттого также европейцамъ все болѣе и болѣе приходится

Библиотека ИМЭЛ

воевать изъ-за рынковъ на востокѣ и въ Африкѣ и оттого также европейская война, т. е. драка европейцевъ изъ-за рынковъ, не переставая виситъ угрозою надъ головами всѣхъ европейскихъ народовъ, раззоряя ихъ вооруженіями. Если до сихъ поръ эта война еще не разразилась, то это зависитъ, можетъ быть только отъ того, что крупнымъ финансистамъ (которые торгуютъ деньгами) выгодно, чтобы государства лѣзли все дальше и дальше въ долги. Но если только эти ростовщики увидятъ выгоду въ войнѣ, то они и натравятъ толпы людей другъ на друга, и заставятъ ихъ убивать другъ друга, лишь бы финансовые цари могли тѣмъ временемъ богатѣть.

Въ современномъ экономическомъ строѣ все тѣсно переплетается между собою и все ведетъ къ неизбѣжному паденію окружающей насъ промышленной и торговой системы. Ея дальнѣшая жизнь исключительно вопросъ времени и это время можно считать уже не вѣками, а годами. Но если это вопросъ времени, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно и вопросъ нашей собственной энергіи. Лѣнтяи не создаютъ исторію: они пассивно терпятъ ее.

* * *

Вотъ почему во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ образуются такія значительныя группы людей, энергично требующихъ возвращенія обществу всѣхъ богатствъ, накопленныхъ трудами предыдущихъ поколѣній. Обобществленіе земли, угольныхъ копей, заводовъ и фабрикъ, жилыхъ домовъ, средствъ передвиженія и т. д. стало общимъ боевымъ кличемъ этихъ партій, и преслѣдованіе — излюбленное средство богатыхъ и правящихъ классовъ — уже не можетъ предотвратить торжества возставшаго ума. И если милліоны рабочихъ еще не двинулись до сихъ поръ и не отняли силой у хищниковъ емлю и заводы, то только потому, что они ждутъ удобной минуты — въ родѣ той, которая представилась въ 1848 году, — чтобы броситься на разрушеніе существующаго строя, встрѣчая повсюду поддержку со стороны международнаго движенія.

Такой моментъ не замедлитъ представиться. Съ 1872 года, т. е. съ того времени, какъ Международный Союзъ рабочихъ былъ разгромленъ правительствами — и даже въ особенности съ того времени — идея международной связи между рабочими сдѣлала громадные успѣхи — успѣхи, въ которыхъ даже самые сторонники Международнаго Союза иногда не отдаютъ себѣ отчета. Связь установилась на дѣлѣ, въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ постоянныхъ международныхъ сно-

шеніяхъ, въ то время, какъ плутократіи — англійская, французская, нѣмецкая, русская враждуютъ между собою и ежеминутно могутъ довести Европу до вооруженнаго столкновенія. Несомнѣнно одно: въ тотъ день, когда во Франціи снова будутъ провозглашены коммуны и начнется соціальная революція, Франція снова встрѣтитъ у народовъ всего міра, въ томъ числѣ и у нѣмецкаго, итальянскаго и англійскаго, ту симпатію, которой она пользовалась у народовъ всего міра, 1848 и въ 1793 годахъ. И если Германія, которая, кстати сказать, ближе къ республиканской революціи, чѣмъ это думаютъ, выкинетъ знамя этой революціи — къ сожалѣнію якобинской — и бросится въ движеніе со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ странѣ молодой и переживающей (какъ переживаетъ теперь Германія) восходящій періодъ своего развитія, она встрѣтитъ во Франціи полное сочувствіе и поддержку со стороны народа, который умѣетъ любить смѣлыхъ революціонеровъ всѣхъ націй и ненавидитъ высокомѣрную плутократію. Нечего и говорить, что, если даже эти двѣ враждующія націи сойдтся по-братски въ моментъ революціи, то всякое революціонное движеніе въ Италіи, Испаніи, Австріи или въ Россіи откликнется въ сердцахъ рабочихъ всего міра.

Многія причины мѣшаютъ до сихъ поръ этому неизбѣжному революціонному взрыву въ Европѣ. До нѣкоторой степени опасность войны не даетъ Франціи выступить рѣзко и опредчленно на революціонный путь, и отвлекаетъ ея вниманіе, направляя его на ложно-патріотитескую дорогу. Но есть еще, мнѣ кажется, другая, болѣе глубокая причина, на которую я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе. Многочисленные признаки указываютъ намъ на то, что во взглядахъ самихъ соціалистовъ происходитъ въ настоящую минуту глубокая перемѣна, схожая съ той, которую я намѣтилъ вначалѣ, говоря о наукѣ вообще. И неопредѣленность воззрѣній самихъ соціалистовъ насчетъ общественной организаціи, къ которой слѣдуетъ стремиться, ослабляетъ до извѣстной степени ихъ энергію. При своемъ зарожденіи, въ сороковыхъ годахъ, соціализмъ являлся въ формѣ подначальнаго коммунизма, въ формѣ единой и нераздѣльной республики, диктатуры и правительственнаго якобинства, перенесеннаго на экономическую почву. Таковъ былъ идеалъ того времени. И соціалистъ тѣхъ годовъ, былъ ли онъ христіанинъ или свободомыслящій, одинаково готовъ былъ подчиниться всякому сильному правительству, даже имперіи, лишь бы оно взялось за перестройку экономическихъ отношеній на пользу рабочихъ.

Но за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ умахъ произошло глубокое измѣненіе, особенно среди латинскихъ народовъ и въ Англіи. Рабочіе стали смотрѣть враждебно на правитель-

ственный и на церковный коммунизмъ, вслѣдствіе чего и появилось въ Международномъ Союзѣ рабочихъ новое направленіе —коллективизмъ. Коллективизмъ обозначалъ въ началѣ коллективную, т. е. общественную собственность орудій труда (не считая, однако, предметовъ необходимыхъ для жизни), и право каждой отдѣльной группы принимать для своихъ членовъ какой ей будетъ угодно способъ распредѣленія: коммунистическій или индивидуальный. Владѣемъ мы, стало быть, фабрикой, землей, желѣзной дорогой и т. д. сообща, и работаемъ сообща артелями; но каждая артель вольна по своему распоряжаться тѣмъ, что она заработала: либо устроиться общимъ хозяйствомъ, и жить сообща, либо дѣлить свой заработокъ, какъ она сама разсудитъ лучше. Вотъ что тогда (въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ) называлось коллективизмомъ, и по сію пору называется въ Испаніи среди анархистовъ. Книга Гильома „Общій взглядъ на соціальную организацію" содержитъ прекрасное изложеніе этой системы, какъ она понималась тогда и проповѣдывалась анархистами, въ противуположность государственному коммунизму, за который стояли марксисты. Мало по малу французскіе соціальдемократы передѣлали однако коллективизмъ въ нѣчто вродѣ сдѣлки между коммунизмомъ и государственнымъ капитализмомъ (государство — главный капиталистъ); такъ что въ настоящее время коллективисты стремятся къ общей собственности на все то, что служитъ для производства, но хотятъ въ то же время, чтобы каждый получалъ вознагражденіе за свой трудъ — смотря по тому, сколько часовъ онъ проработалъ, — въ видѣ чековъ, или росписокъ, гдѣ напечатано: „пять, десять, двадцать часовъ труда". На эти чеки можно будетъ покупать въ общественныхъ магазинахъ всѣ товары, которые въ свою очередь будутъ тоже расцѣниваться по количеству часовъ, сколько потребно, чтобы выработать всякій товаръ. Такъ, напримѣръ, если на то, чтобы выростить сто четвертей ржи нужно, скажемъ, проработать (среднимъ числомъ) четыреста часовъ, то четверть ржи будетъ стоить 4 часа; пудъ каменнаго угля обойдется, примѣрно, полчаса, а фунтъ мыла будетъ стоить, скажемъ, пять минутъ.

Если подумать хорошенько, то вы увидите, что коллективизмъ сводится, въ сущности, къ слѣдующему:

частный (неполный) коммунизмъ по отношенію къ средствамъ производства и къ воспитанію, и въ то же время конкурренція между личностями и группами изъ-за хлѣба, жилищъ и одежды;

индивидуализмъ по отношенію къ произведеніямъ человѣческаго ума и произведеніямъ искусства;

и наконецъ, какъ поправка неудобствъ этой системы — общественная помощь дѣтямъ, больнымъ и старикамъ.

Однимъ словомъ, мы видимъ здѣсь ту же борьбу за существованіе, лишь нѣсколько смягченную благотворительностью, т. е. все то же примѣненіе церковно-военнаго правила: „сначала изрань людей, а затѣмъ лѣчи ихъ“, и все тотъ же просторъ для полицейскаго сыска, съ цѣлью узнать, нужно ли предоставить каждое лицо въ борьбѣ за существованіе самому себѣ, или же ему должна быть оказана государственная помощь.

Идея чековъ, какъ вы знаете, не нова: ее примѣнялъ еще Робертъ Оуэнъ, а потомъ Прудонъ. Теперь она получила новое названіе — „научнаго соціализма“.

Нужно, однако, замѣтить, что эта теорія плохо прививается къ народнымъ массамъ, которыя точно предчувствуютъ всѣ ея неудобства — чтобы не сказать всю ея неосуществимость.

Во первыхъ, время, употребленное на какой-нибудь трудъ, еще не даетъ мѣрила общественной полезности этого труда, и всѣ теоріи цѣнности — отъ Адама Смита до Маркса — пытавшіяся основаться только на стоимости производства, высчитанной въ затраченномъ трудѣ, не могли до сихъ поръ разрѣшить вопроса о цѣнности. Разъ только происходитъ обмѣнъ, цѣнность предмета становится сложной величиной, зависящей, главнымъ образомъ, отъ того, въ какой степени она удовлетворяетъ потребностямъ не индивидуума, какъ прежде думали нѣкоторые политико-экономы, а всего общества, взятаго въ цѣломъ.

Цѣнность есть явленіе общественное. Будучи результатомъ обмѣна, она имѣетъ двойственный характеръ, представляя съ одной стороны извѣстное лишеніе, а съ другой стороны извѣстное удовлетвореніе, причемъ и та и другая сторона должны разсматриваться не какъ индивидуальное, а какъ общественное явленіе.

Затѣмъ, наблюдая недостатки современнаго экономическаго строя, мы видимъ — и рабочіе это отлично понимаютъ, —что сущность его заключается въ томъ, что рабочій поставленъ въ необходимость продавать свою рабочую силу. Не имѣя возможности прожить двухъ недѣль безъ работы, поставленный государствомъ въ невозможность воспользоваться своей силой и приложить ее къ какому-нибудь полезному труду, не продавши ее барину, фабриканту, или тому же государству, рабочій вынужденъ — силою, голодомъ — отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя могъ бы принести ему его трудъ. Онъ отдаетъ хозяину львиную долю того, что онъ выроститъ или сработаетъ; и притомъ онъ приноситъ въ жертву свою свободу и даже право высказыватьсвое мнѣніе о полезности того, что онъ производитъ и о способѣ производства.

Накопленіе капитала зависитъ, такимъ образомъ, не отъ его способности поглощать прибавочную стоимость, (само понятіе о прибавочной стоимости уже включаетъ недодачу, т. е. эксплуатацію), а отъ того, что рабочій поставленъ въ необходимость продавать свою рабочую силу, зная очень хорошо, что онъ не получитъ всего того, что она произведетъ: что его интересы не будутъ соблюдены, что онъ станетъ по отношенію къ покупателю рабочей силы въ положеніе низшее. Если бы этого не было, если бы милліоны обезземеленныхъ и обездоленныхъ рабочихъ не были вынуждены закабалять себя на невыгодныхъ условіяхъ, капиталистъ никогда и не могъ бы купить или нанять рабочую силу. Катковская партія крѣпостниковъ и московскихъ фабрикантовъ только о томъ и хлопочетъ, какъ бы обезземелить крестьянъ и обратить милліоны населенія (вдесятеро больше, чѣмъ ихъ нужно на всѣ фабрики) въ голодныхъ и обездоленныхъ батраковъ, которыхъ можно закабалить за грошъ.*) Изъ чего слѣдуетъ, что для перестройки существующаго порядка нужно уничтожить самую его причину — т. е. самый фактъ продажи и купли рабочей силы, а не одни его послѣдствія т. е. капитализмъ.

Рабочіе смутно понимаютъ это; все чаще и чаще они говорятъ теперь, что если соціальная революція не начнетъ съ захвата всѣхъ средствъ жизни — т. е. съ „распредѣленія", какъ говорятъ экономисты,— и не обезпечитъ каждому все необходимое для жизни, т. е. жилище, пищу и одежду, то это будетъ все равно, какъ если бы ничего не было сдѣлано. И мы знаемъ также, что при нашихъ могущественныхъ средствахъ производства такое обезпеченіе вполнѣ возможно. Если же рабочій останется рабочимъ наемнымъ, то онъ останется рабомъ того, кому вынужденъ будетъ продавать свою рабочую силу — все равно, будетъ то частное лицо или государство.

Точно также, народный умъ, т. е. сумма всѣхъ безчислен-

*) Вся тактика англійской аристократіи и плутократіи за полтораста лѣтъ была въ этомъ направленіи: ради ея парламентъ создалъ право захвата общинныхъ земель (милліоны акровъ захвачены были въ теченіе *этого*, девятнадцатаго вѣка), и даже послѣдняя война противъ Буровъ была вызвана именно желаніемъ Іоганнесбургскихъ золотопромышленниковъ уничтожить *общинное землевладѣніе* у Негровъ, обезземелить ихъ, загнать ихъ въ „казармы", и заставить ихъ, голодомъ и штрафами, работать за безцѣнокъ въ заводахъ, рудникахъ,— также, какъ уже работаютъ негры въ алмазныхъ копяхъ въ Кемберлеѣ.

ныхъ мнѣній, возникающихъ въ головахъ людей, предвидитъ, что если роль хозяина въ покупкѣ рабочей силы и въ наблюденіи за нею возьметъ на себя государство, то результатомъ этого явится опять таки самое отвратительное крѣпостничество. Человѣкъ изъ народа разсуждаетъ не отвлеченностями, а прямо фактами повседневной жизни. Онъ чувствуетъ поэтому, что то государство, о которомъ болтаютъ въ книгахъ, явится для него въ формѣ несмѣтныхъ чиновниковъ, взятыхъ изъ числа его бывшихъ товарищей по работѣ, а что это будутъ за люди—онъ хорошо знаетъ по опыту. Онъ знаетъ, чѣмъ становятся отличные товарищи, разъ они сдѣлались начальствомъ, и онъ стремится къ такому общественному строю, въ которомъ настоящее зло не было бы замѣнено новымъ, а совершенно уничтожено.

Вотъ почему коллективизмъ такъ таки никогда и не могъ увлечь народныхъ массъ, которыя въ концѣ концовъ приходятъ къ коммунизму, но къ коммунизму все болѣе и болѣе освобождающемуся отъ церковной и якобинской окраски сороковыхъ годовъ — т. е. къ коммунизму свободному, анархическому.

Мало того. Оглядываясь назадъ на все то, что мы пережили за послѣднюю четверть вѣка въ европейскомъ соціалистическомъ движеніи, я положительно убѣжденъ, что современный соціализмъ вынужденъ непремѣнно сдѣлать шагъ впередъ въ направленіи къ свободному коммунизму, и что до тѣхъ поръ, пока онъ этого не сдѣлаетъ, та неопредѣленность въ умахъ массы, о которой я только что говорилъ, будетъ задерживать дальнѣйшіе успѣхи соціалистической пропаганды.

Мнѣ кажется, что силою вещей соціалистъ вынужденъ признать прежде всего, что матеріальное обезпеченіе существованія всѣхъ членовъ общества должно быть первымъ актомъ соціальной революціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходится сдѣлать и еще одинъ шагъ, а именно признать, что такое обезпеченіе должно быть достигнуто не при помощи государства, а совершенно внѣ его, помимо его вмѣшательства.

* *
*

Что общество, взявши въ свои руки всѣ накопленныя богатства, можетъ свободно обезпечить в ѣмъ довольство, подъ условіемъ четырехъ или пяти часовъ въ день физическаго труда въ области производства — въ этомъ согласны всѣ тѣ, кто только думалъ объ этомъ вопросѣ. Если бы каждый человѣкъ привыкалъ съ дѣтства знать, откуда берется хлѣбъ, который онъ ѣстъ, домъ, въ которомъ онъ живетъ, книга, по которой онъ учится и т д., и если бы каждый привыкалъ соединять умственный трудъ съ трудомъ физическимъ въ

какой бы то ни было отрасли производства — общество могло бы легко достигнуть этого, даже помимо разсчета на упрощенія въ способахъ производства, которыя принесетъ намъ болѣе или менѣе близкое будущее.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно подумать только о томъ, какое невообразимое количество силъ тратится въ настоящую минуту задаромъ, чтобы представить себѣ, какъ много могло бы получать всякое образованное общество, какъ мало труда потребовалось бы для этого отъ каждаго человѣка и какія грандіозныя дѣла могло бы такое общество предпринимать — дѣла, о которыхъ теперь не можетъ быть даже и рѣчи. Къ сожалѣнію, метафизическая политическая экономія никогда не занималась тѣмъ вопросомъ, который долженъ былъ бы составлять всю ея сущность, т. е. вопросомъ объ экономіи силъ*).

---

*) Политическая экономія, какъ буржуазная такъ и соціалистическая, остаются до сихъ поръ въ томъ же положеніи, въ какомъ была геологія въ концѣ прошлаго вѣка, т.е. чистой метафизикой. Экономисты не понимаютъ, какъ ненаучно, напримѣръ, утверждать количественныя отношенія, не давая себѣ труда, и даже не понимая необходимости количественно провѣрить утверждаемые ими количественные законы. Что сказали бы мы, напримѣръ, про физика, который, видя, что камень, свалившійся съ 5-го этажа, летитъ скорѣе, чѣмъ камень, упавшій съ 1-го этажа, сказалъ бы: „пространство, пройденное камнемъ, пропорціонально времени, которое онъ падалъ" и не подозрѣвалъ бы необходимости провѣрить цифрами свое утвержденіе? А между тѣмъ, хотя бы по вопросу о мѣновой цѣнности намъ говорятъ, что она измѣряется количествомъ необходимого труда (т. е. стало быть, пропорціональна ему), даже не замѣчая, что для того чтобы утверждать, что между двумя количествами существуетъ отношеніе прямой пропорціональности (что „одно есть прямолинейная функція другого," какъ говорятъ математики) обязательно доказать, что такое отношеніе дѣйствительно существуетъ. Экономистъ же, замѣтивши: „развѣ цѣнность алмазовъ не уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ ихъ стали много находить въ Африкѣ?" — довольствуется этимъ наивнымъ замѣчаніемъ. О томъ же, что всякій естественный законъ выражается въ формѣ условной, т. е. „если это существуетъ, то произойдетъ то-то", онъ какъ-будто и не слыхалъ, а прямо такъ и говоритъ: „Мѣрило цѣнности — такой-то трудъ", между тѣмъ какъ, если оно такъ и есть, то есть же условія, при которыхъ это возможно, и весь интересъ лежитъ именно

Относительно возможности для коммунистическаго общества быть богатымъ, при нашей современной, могучей техникѣ, сомнѣнія быть не можетъ. Сомнѣніе является только въ вопросѣ о томъ, можетъ ли существовать подобное общество безъ полнаго подчиненія личности контролю государства, и не требуется ли, для достиженія матеріальнаго благосостоянія, чтобы европейскія общества принесли въ жертву даже ту незначительную свободу, которую имъ удалось, цѣною стольких жертвъ, завоевать впродолженіе нашего вѣка?

Одна часть соціалистовъ утверждаетъ, что этого результата можно достигнуть не иначе, какъ принеся свободу въ жертву на алтарь государства. Другая же, къ которой принадлежимъ мы, думаетъ, наоборотъ, что возможно достигнуть коммунизма, т. е. владѣть сообща всѣмъ нашимъ общественнымъ наслѣдіемъ, и производить сообша всѣ богатства,— только путемъ уничтоженія государства, завоеванія полной свободы личности, добровольнаго соглашенія и совершенно свободнаго соединенія въ союзы и въ федераціи союзовъ.

Этотъ вопросъ стоитъ въ настоящую минуту на первомъ планѣ, и на этотъ вопросъ соціализмъ долженъ дать тотъ

въ изученіи этихъ условій: всегда ли они на лицо или только иногда? Я говорю, конечно, о нашихъ современныхъ писателяхъ. Относительно трудовой теоріи цѣнности, ея основатель, Адамъ Смитъ, также мало виновенъ въ подобномъ утвержденіи, какъ и Ньютонъ въ утвержденіи, что „всѣ тѣла притягиваются такъ-то“.

Въ кругу общественныхъ наукъ есть, конечно, мѣсто для науки, политической экономіи. Но эта наука, когда ее начнутъ разрабатывать, будетъ совсѣмъ непохожа на теперешнюю. Она займетъ мѣсто физіологіи общества. Физіологія растеній (физіологія питанія, размноженія) изучаетъ, какими приспособленіями пользуются растенія, чтобы достигать наибольшихъ результатовъ (сохраненіе особи и вида) при наименьшей затратѣ энергіи; физіологія общества тоже сдѣлаетъ для общества и, изучивъ эти приспособленія и сравнивъ ихъ съ ихъ результатами, скажетъ: такія то приспособленія представляютъ наибольшую экономію энергіи при наибольшей жизненности особи и вида, а такія-то — безумная трата силъ. Такія то не экономны, но полезны тѣмъ-то. Сочинять же метафизическія трилогіи насчетъ развитія общества и открывать законы, не подозрѣвая даже условности всякаго такъ-называемаго закона природы, значитъ дѣлать то, что дѣлали геологія и физіологія, когда онѣ еще не были науками. Оно, можетъ быть, и нужно — только науки Политической Экономіи не существуетъ.

или другой отвѣтъ, немедленно, если не хочетъ, чтобъ всѣ его усилія оказались безплодными.

Разсмотримъ же его со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ заслуживаетъ.

* * *

Каждый соціалистъ легко вспомнитъ, какъ много предразсудковъ жило въ немъ въ то время, когда онъ впервые услыхалъ, или подумалъ самъ, что уничтоженіе частной собственности на землю и капиталъ становятся исторической необходимостью.

То же самое происходитъ въ настоящее время съ человѣкомъ, которому въ первый разъ приходится слышать, что уничтоженіе государства съ его законами, со всей его системой управленія, со всѣмъ его объединеніемъ, точно также становится исторической необходимостью; что уничтоженіе капитализма невозможно безъ разрушенія государства.

Эта мысль безспорно противна всѣмъ понятіямъ, привитымъ намъ нашимъ воспитаніемъ — воспитаніемъ, которымъ (не мѣшаетъ помнить) руководятъ въ своихъ выгодахъ церковь и государство.

Мы такъ много учились и читали о необходимости власти, мы такъ запуганы и боимся самихъ себя (христіанство) и еще болѣе того „неразумной толпы" (исторія), мы такъ много наслышаны объ ужасахъ бунтовъ, безпорядковъ, „хаоса", „анархіи", что мысль безвластія насъ пугаетъ съ перваго раза.

Но становится ли отъ этого мысль безвластія менѣе справедливой? И разъ мы принесли уже въ жертву своему освобожденію столько предразсудковъ относительно хозяина, собственности, религіи, — остановимся ли мы передъ предразсудкомъ государства?

* * *

Я не стану вдаваться въ критику государства; это сдѣлано было уже много разъ. Точно также я не стану разсматривать и его историческую роль и сошлюсь на другую мою работу (Государство и его роль въ исторіи). Я ограничусь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Прежде всего, въ то время, какъ человѣческія общества существуютъ съ самаго начала появленія на землѣ человѣка, государство представляетъ собою, напротивъ, форму общественной жизни, создавшуюся лишь очень недавно у нашихъ европейскихъ обществъ. Человѣкъ существовалъ уже втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій прежде чѣмъ образовались первыя государства; Греція и Римъ процвѣтали уже цѣлые вѣка до

появленія македонской и Римской имперіи; а для насъ, современныхъ европейцевъ, государства существуютъ, собственно говоря, только съ шестнадцатаго вѣка. Именно тогда завершилось уничтоженіе свободныхъ общинъ и создалось то общество взаимнаго страхованія между военной и судебной властью, землевладѣльцами и капиталистами, которое называется государствомъ.

Лишь въ шестнадцатомъ вѣкѣ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ преобладавшимъ до того представленіямъ о городской и сельской независимости, свободныхъ союзовъ и организацій, свободной на всѣхъ ступеняхъ федераціи независимыхъ группъ, отправлявшихъ всѣ тѣ обязанности, которыя теперь государство захватило въ свои руки. Лишь послѣ пораженія крестьянскихъ, гусситскаго и анбаптистскаго движеній и послѣ покоренія вольныхъ городовъ, союзъ между церковью и зарождавшеюся королевской властью положилъ конецъ федеративной вольной организаціи. Между тѣмъ, это устройство просуществовало съ девятаго по пятнадцатый вѣкъ и дало тотъ замѣчательный періодъ свободныхъ средневѣковыхъ городовъ, создавшихъ цѣлую новую и могучую цивилизацію, характеръ которой такъ хорошо уловили Огюстенъ Тьерри и Сисмонди—историки, къ сожалѣнію, слишкомъ мало читаемые въ наше время.

Извѣстно, какимъ образомъ это соглашеніе между дворяниномъ, священникомъ, купцомъ, судьею, солдатомъ и королемъ упрочило свое господство. Всѣ свободные союзы, существовавшіе въ средневѣковой городской и деревенской общинѣ,—всѣ гильдіи, всѣ союзы ремесленниковъ, мастеровъ и подмастерій, братства, подсосѣдства и т д.—были уничтожены повсемѣстно: королями въ Англіи, Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи, московскими царями въ Россіи. Земли, принадлежавшіе общинамъ, были отданы на разграбленіе; богатства, составлявшія собственность гильдій, были конфискованы: всякое свободное соглашеніе между людьми подвергалось безусловному и жестокому запрещенію. Чтобы установить свое господство, чтобы получить возможность управлять потомъ лишь стадами, не имѣвшими между собою никакой прямой связи, Церковь и Государство не остановились ни передъ чѣмъ: убійство, тайное, въ одиночку, и массовое, колесованіе, висѣлица, мечъ и огонь, пытка, выселеніе цѣлыхъ городовъ — все было пущено въ ходъ. Вспомните о сотнѣ съ лишкомъ тысячъ крестьянъ, перебитыхъ въ Голландіи, о другой сотнѣ тысячъ убитыхъ на Рейнѣ и въ Швейцаріи, о звѣрствахъ Ивана Грознаго въ Новгородѣ. . .

* * *

Только теперь, только въ послѣднія двадцать лѣтъ мы начинаемъ отвоевывать путемъ борьбы и революцій нѣкоторыя крохи тѣхъ правъ на вольныя артели и всевозможные союзы, которыми пользовались средневѣковые ремесленники и крестьяне, даже крѣпостные*).

Мы опять начинаемъ отвоевывать эти права, и если вы вглядитесь въ жизнь современныхъ цивилизованныхъ народовъ — книги не говорятъ объ этомъ, но присмотритесь къ жизни, — вы увидите, что господствующее стремленіе нашего времени есть стремленіе къ образованію тысячъ всевозможныхъ союзовъ и обществъ, для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей современнаго человѣка.

Вся Европа покрывается добровольными союзами съ цѣлью изученія, обученія, промышленности, торговли, науки, искусства и литературы, съ цѣлями эксплуатаціи и съ цѣлью огражденія отъ эксплуатаціи, съ цѣлью развлеченія и серьезной работы, наслажденія и самопожертвованія — однимъ словомъ для всего того, что составляетъ жизнь дѣятельнаго и мыслящаго существа. Мы находимъ эти постоянно возникающія общества во всѣхъ уголкахъ политической, экономической, художественной и умственной жизни Америки и Европы. Одни изъ нихъ быстро исчезаютъ, другія живутъ уже десятки лѣтъ, и всѣ они стремятся, сохраняя независимость каждой группы, кружка, отдѣленія или вѣтви, соединиться другъ съ другомъ, сплотиться, образовать между собою федераціи, въ каждой странѣ и международныя, и охватить все существованіе цивилизованнаго человѣка сѣтью перекрещивающихся и переплетающихся нитей. Эти общества насчитываются уже десятками тысячъ и охватываютъ милліоны людей; а между тѣмъ не прошло еще и пятидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Церковь и Государство стали терпѣть нѣкоторыя — только еще нѣкоторыя — изъ нихъ.

Повсюду эти общества захватываютъ то ,что прежде считалось обязанностью государства и стремятся замѣнить дѣятельность его объединенной, чиновничьей власти дѣятельностью добровольною. Въ Англіи мы находимъ даже общества страхованія отъ воровства**,) общества спасанія на водахъ, общества

---

*)Подробности объ этомъ періодѣ читатель найдетъ въ брошюрѣ „Государство, его роль въ Исторіи“, а также, съ указаніемъ источниковъ, въ статьяхъ: „Взаимная Помощь“: III. „Варварскій періодъ“ и IV. „Средневѣковой Городъ“.

**) За рубль съ небольшимъ въ годъ вы страхуете имущество въ 1000 рублей и, что бы у васъ ни украли, компанія безъ всякихъ разговоровъ, выплачиваетъ вамъ стоимость

добровольныхъ защитниковъ страны, общества для защиты береговъ и т д., безъ конца. Государство стремится, конечно, взять всякое такое общество подъ свою опеку и превратить его въ орудіе упроченія своей власти, и иногда это ему удается (Красный Крестъ); но первоначальная цѣль всѣхъ этихъ обществъ — обходиться безъ государства. Не будь Церкви и Государства, свободныя общества давно охватили бы своей добровольной дѣятельностью и всю обширную область образованія и воспитанія, уже, конечно, давали бы лучшее образованіе, чѣмъ то ложное образованіе, которое даетъ, — далеко не всѣмъ, — государство. Впрочемъ вольныя общества уже начинаютъ вторгаться и въ эту область и уже оказываютъ въ ней свое вліяніе, несмотря на всѣ препятствія.

При видѣ того, кахъ много дѣлается въ этомъ направленіи, помимо государства и наперекоръ ему (такъ какъ оно старается сохранить за собой господство, завоеванное имъ втеченіе трехъ послѣднихъ столѣтій), при видѣ того, какъ добровольные союзы захватываютъ понемногу все, и останавливаются въ своемъ развитіи только уступая силѣ государства, мы волею неволею должны признать, что здѣсь проявляется могучее стремленіе и пробивается новая сила современнаго общества. И мы можемъ тогда съ полнымъ правомъ поставить слѣдующій вопросъ: „если черезъ пять, десять, двадцать лѣтъ — все равно — возставшимъ рабочимъ удастся сломить силу названнаго общества взаимнаго страхованія между собственниками, банкирами, священниками, судьями и солдатами; если народъ станетъ на нѣсколько мѣсяцевъ хозяиномъ своей судьбы и завладѣетъ всѣми созданными имъ и принадлежащими ему по праву богатствами, — то займется ли онъ снова возстановленіемъ хищническаго государства? Не попытается ли онъ, наоборотъ, создать организацію, идущую отъ простого къ сложному, основанную на взаимномъ соглашеніи, соотвѣтственно разнообрзнымъ и постоянно мѣняющимся потребностямъ каждой отдѣльной мѣстности, съ цѣлью обезпечить за собою пользованіе завоеванными богатствами и возможность жить и производить все то, что окажется необходимымъ для жизни? Иными словами, разрушивъ современную государственную организацію, чтобы совершить соціальный переворотъ, что лучше: создавать ли вновь государство — вѣковое орудіе угнетенія

украденнаго. — „Вы, конечно обращаетесь къ полиціи, чтобы разыскать вора?“ спросили мы одного агента. — „Никогда; это совершенно безполезно. Притомъ, страхованіе оплачиваетъ всѣ расходы.“

народовъ, — въ обновленной формѣ, или же искать средствъ обойтись безъ него?

Пойдетъ ли народъ за господствующимъ стремленіемъ вѣка, или, наоборотъ, онъ пойдетъ противъ него, пытаясь вновь создать уничтоженную имъ же власть?

* *
*

Культурный человѣкъ — котораго Фурье съ презрѣніемъ называлъ „цивилизованнымъ“ — трепещетъ при мысли, что общество можетъ остаться въ одинъ прекрасный день безъ судей, безъ жандармовъ и безъ тюремщиковъ...

Дѣйствительно ли однако, такъ нужны намъ эти господа, какъ говорятъ намъ въ книгахъ, — книгахъ, написанныхъ учеными, которые, обыкновенно, очень хорошо знаютъ, что было написано до нихъ въ другихъ такихъ же книгахъ, но совершенно не знаютъ, по большей части, ни народа, ни его ежедневной жизни.

Если мы можемъ безопасно ходить не только по улицамъ Парижа, гдѣ кишатъ полицейскіе, но и по деревенскимъ дорогамъ, гдѣ лишь изрѣдка встрѣчаются прохожіе, то чему обязаны мы этимъ: полиціи или, скорѣе, отсутствію людей, желающихъ убить или ограбить прохожаго? Я не говорю, конечно, о людяхъ, носящихъ при себѣ милліоны—такихъ мало, — а имѣю въ виду простого буржуа, который боится не за свой кошелекъ, наполненный нѣсколькими дурно пріобрѣтенными червонцами, а за свою жизнь. Основательны ли его опасенія?

Недавній опытъ показалъ намъ, что Джакъ Потрошитель совершалъ въ Лондонѣ свои звѣрства буквально-таки подъ носомъ у полицейскихъ, а Лондонская полиція — самая дѣятельная въ мірѣ, и прекратилъ онъ ихъ только тогда, когда его начало преслѣдовать само Уайтчапельское населеніе.

А наши ежедневныя отношенія съ нашими согражданами? Неужели вы думаете, что противуобщественные поступки въ самомъ дѣлѣ предотвращаются судьями, тюрьмами и жандармами? Неужели вы не видите, что судья — т. е. человѣкъ одержимый законническимъ помѣшательствомъ, и вслѣдвствіе этого всегда жестокій, — что доносчикъ, шпіонъ, тюремщикъ, палачъ, полицейскій, (а безъ нихъ какъ жить судьѣ?) и всѣ подозрительныя личности, ютящіяся вокругъ судовъ, въ дѣйствительности представляютъ, каждый изъ нихъ, центръ разврата, распостраняемаго въ обществѣ? Присмотритесь-ка къ этой жизни судейской; прочитайте отчеты о процессахъ, пробѣжите объявленія — ими полны газеты — англійскихъ агентсвъ для частнаго сыска, предлагающія за безцѣнокъ выслѣживать поведеніе мужей и женъ, при

помощи опытныхъ сыщицъ; постарайтесь, хоть по отрывкамъ составить картину Скотландъ-Ярда (англійскаго Третьяго Отдѣленія), Тайной Парижской Полиціи съ ея помощницами на троттуарахъ, и русскаго Третьяго Отдѣленія; загляните за кулисы судовъ, посмотрите, что дѣлается на задахъ торжественныхъ каменныхъ фасадовъ — и вы почувствуете глубочайшее отвращеніе. Развѣ тюрьма, убивающая въ человѣкѣ всякую волю и всякую силу характера, и заключающая въ своихъ стѣнахъ больше пороковъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ пунктѣ земного шара, не играла всегда роль высшей школы преступленія, а зала суда — всякаго суда — школы самой гнусной жестокости?

Намъ возражаютъ, что когда мы требуемъ уничтоженія Государства и всѣхъ его органовъ, мы мечтаемъ объ обществѣ состоящемъ изъ людей, лучшихъ, чѣмъ тѣ, которые существуютъ въ дѣйствительности. Нѣтъ, отвѣтимъ мы, тысячу разъ нѣтъ! Мы требуемъ одного: чтобы эти гнусныя государственныя учрежденія не дѣлали людей худшими, чѣмъ они есть!

* *
*

Извѣстный нѣмецкій юристъ Іерингъ задумалъ однажды резюмировать свои научные труды въ сочиненіи, въ которомъ онъ намѣревался разобрать средства служащія къ поддержанію общественной жизни. Сочиненіе это носитъ названіе „Цѣль въ правѣ“ (Der Ziel im Recht) и пользуется вполнѣ заслуженной репутаціей.

Онъ выработалъ планъ своего труда и разобралъ съ большимъ знаніемъ два существующихъ принудительныхъ средства: наемную плату и формы принужденія, помѣченныя въ законѣ. Въ концѣ онъ оставилъ два параграфа, чтобы упомянуть о двухъ не принудительныхъ средствахъ, которымъ онъ, какъ и слѣдовало юристу, не придавалъ особеннаго значенія, а именно: чувству долга и чувству симпатіи.

И что же? По мѣрѣ того, какъ онъ изслѣдовалъ принудительныя средства, онъ убѣждался въ ихъ полной недостаточности, полной неспособности поддержать общественный строй. Онъ посвятилъ имъ цѣлый томъ, и въ результатѣ изслѣдованія, — ихъ значеніе сильно пошатнулось. Когда же онъ приступилъ къ двумъ послѣднимъ параграфамъ и принялся думать о не принудительныхъ средствахъ общественной жизни, онъ увидалъ, что они имѣютъ такое огромное, преобладающее значеніе, что вмѣсто двухъ главокъ ему пришлось написать цѣлый второй томъ, вдвое толще перваго, объ этихъ двухъ средствахъ: о добровольномъ самоограниченіи и о взаимной поддержкѣ, причемъ онъ исчерпалъ только ничто-

жную часть предмета, такъ какъ говорилъ только о томъ, что вытекаетъ изъ чувства личной симпатіи, едва затронувъ вопросъ о свободномъ соглашеніи для выполненія общественныхъ отправленій.

Съ каждымъ изъ васъ случится то же, что съ Іерингомъ, если вы серьезно подумаете объ этомъ предметѣ и, вмѣсто того, чтобы повторять формулы, заученныя вами въ школѣ, сами серьезно займетесь этимъ вопросомъ. Подобно Іерингу вы увидите, какое ничтожное значеніе имѣетъ въ обществѣ принужденіе, сравнительно съ добровольнымъ соглашеніемъ.

Съ другой стороны, если вы послѣдуете, уже старому совѣту, данному Бентамомъ, и подумаете о гибельныхъ — прямыхъ, а въ особенности, косвенныхъ — послѣдствіяхъ всякаго законнаго принужденія, вы возненавидите, какъ Толстой и какъ мы, это употребленіе силы и придете къ заключенію, что въ рукахъ у общества есть тысяча другихъ, гораздо болѣе дѣйствительныхъ средствъ для предотвращенія противуобщественныхъ поступковъ; если же оно теперь не прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ, то только потому, что и его воспитаніе, руководимое церковью и государствомъ, и его трусость и лѣность мысли мѣшаютъ ясному пониманію этихъ вопросовъ. Если ребенокъ совершилъ какой-нибудь проступокъ — проще всего его наказать: тогда, по крайней мѣрѣ не нужно никакихъ объясненій! А развѣ трудно казнить человѣка, особенно когда есть на то наемные палачи — въ Англіи, всего по фунту, т. е. по 10 рублей за каждаго повѣшеннаго? Чего лучше! Заплатить нѣсколько сотъ рублей въ годъ и не ломать дворянскую голову надъ причинами преступленій! А въ Сибирь сослать, или въ Крестъ запереть — и того проще! Но — не омерзительно ли это? Намъ часто говорятъ, что мы, анархисты, живемъ въ мірѣ мечтаній и не видимъ современной дѣйствительности. На дѣлѣ же выходитъ, что мы, можетъ быть, слишкомъ хорошо ее видимъ и знаемъ, а потому и стараемся прорубить топоромъ просѣку въ окружающей насъ чащѣ вѣковыхъ предразсудковъ по вопросу о всякой власти „отъ Бога или отъ міра сего".

Мы далеко не живемъ въ мірѣ видѣній и не представляемъ себѣ людей лучшими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ: наоборотъ, мы именно видимъ ихъ такими, какіе они есть, а потому и утверждаемъ, что власть портитъ даже самыхъ лучшихъ людей, и что всѣ эти теоріи „равновѣсія власти" и „контроля надъ правительствомъ" ничто иное, какъ ходячія формулы, придуманныя тѣми, кто стоитъ у власти, для того чтобъ увѣрить „верховный народъ" будто правитъ именно онъ. На дѣлѣ же государствомъ народъ нигдѣ не правитъ. Вездѣ

богатые и обученные управленію управляютъ бѣдными.*) Именно въ силу нашего знанія людей мы и говоримъ правителямъ, которые думаютъ, что безъ нихъ люди загрызли бы другъ друга: вы разсуждаете, какъ тотъ французскій король, который, будучи принужденъ уѣхать за границу, восклицалъ: „что станется безъ меня съ моими несчастными подданными!"**)

Конечно, еслибы люди были такими высшими существами, какими изображаютъ ихъ утописты власти, еслибы мы могли, закрывая глаза на дѣйствительность, жить, какъ они, въ мірѣ иллюзій насчетъ нравственной высоты тѣхъ, кого они считаютъ призванными къ управленію, тогда, можетъ быть, и мы думали бы, какъ они, и вѣрили бы, какъ они, въ добродѣтели правителей.

Въ самомъ дѣлѣ, — что же было бы худого въ рабствѣ,

---

*) Если въ Англіи, во Франціи, въ Соединенныхъ Штатахъ, да еще въ Швейцаріи народъ имѣетъ кое какое вліяніе на государственныя дѣла, то только потому, что въ этихъ странахъ во всякой деревушкѣ, во всякой мастерской, а тѣмъ болѣе въ большихъ городахъ, есть люди, которые „когтемъ и зубомъ" готовы стоять за свои человѣческія личныя права, и не позволятъ ни себя, ни свои права топтать въ грязь. Когда недавно (въ 1886 году) въ Лондонѣ опять заговорили, что надо бы не пускать манифестаціи голодныхъ рабочихъ въ Гайдъ-Паркъ, то вся печать завопила: „А забыли небось 1878 годъ (года навѣрно не помню), когда полицейскіе преградили толпѣ дорогу въ паркъ? Что они тогда надѣлали? Разломали желѣзную рѣшетку и ея пиками полицейскихъ перебили. Съ нашимъ народомъ нельзя шутить. Наша „чернь" весь Лондонъ способна разнести." И разнесла бы. Могу прибавить, что правительство отлично это знало въ 1886-мъ году. Свободу, какая бы она ни была, надо завоевывать, а не ждать ея отъ „Высочайше дарованныхъ" Конституцій.

**) Хоть бы кто-нибудь изъ русскихъ революціонеровъ догадался помянуть добрымъ словомъ крестьянскіе бунты, которые шли, все усиливаясь, съ 1848-го по 1859-й годъ, и назвалъ бы намъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ за то разстрѣливали Николай I и Александръ II, или хоть бы назвалъ намъ тѣ деревни, въ которыхъ истязали крестьянъ, возстававшихъ противъ своихъ помѣщиковъ. Въ „Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ", изданной за-границею, и въ „Исторіи Дворянства", Романовича-Славутинскаго перечислены главные бунты того времени. Не Александру II и Ростовцеву, а этимъ мученикамъ, крестьянамъ-освободителямъ, слѣдуетъ воздвигать памятники.

если бы рабовладѣльцы дѣйствительно были тѣми праведными архангелами, какими ихъ изображали утописты рабства? Вы, можетъ быть, помните, какими розовыми красками намъ расписывали американскихъ рабовладѣльцевъ и крѣпостниковъ -помѣщиковъ лѣтъ тридцать тому назадъ? Они ли не заботились отечески о своихъ рабахъ и крѣпостныхъ! Безъ барина, эти лѣнивыя, безпечныя, непредусмотрительныя дѣти просто пропали бы съ голоду! И къ чему — говорили намъ крѣпостники — станетъ баринъ обременять своихъ рабовъ непосильнымъ трудомъ или истязать ихъ подъ розгами! Вѣдь его прямая выгода хорошо кормить своихъ рабовъ, хорошо съ ними обращаться, заботиться объ нихъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ! Ужъ какъ сладко намъ пѣвали это въ нашемъ дѣтствѣ всероссійскіе Скарятины, американскіе газетчики и англійскіе попы! А кромѣ того, вѣдь существовалъ „законъ“, каравшій рабовладѣльца за малѣйшее уклоненіе отъ своихъ обязанностей! А между тѣмъ Дарвинъ, вернувшись изъ своего путешествія въ Бразилію, такъ всю жнзнь и былъ преслѣдуемъ криками изувѣчиваемыхъ рабовъ, которые онъ слышалъ въ Бразиліи, и рыданіями женщинъ, стонавшихъ отъ боли въ закованныхъ въ тиски рукахъ. А намъ, дѣтямъ бывшихъ помѣщиковъ, по сію пору краска бросается въ лицо при одной мысли о томъ, что дѣлали наши отцы.

Еслибы господа, стоящіе у власти дѣйствительно были людьми, настолько умными и преданными общественному дѣлу, какъ намъ изображаютъ ихъ хвалители государства, — какую бы можно было создать великолѣпную утопію, съ правительствомъ и хозяевами во главѣ! Хозяинъ былъ бы не тираномъ, а отцомъ своихъ рабочихъ! Заводъ былъ бы привлекательнѣйшимъ мѣстопребываніемъ и никогда бы цѣлыя населенія рабочихъ не оказывались осужденными на физическое вырожденіе. Государство не отравляло бы своихъ рабочихъ, заставляя ихъ дѣлать спички съ бѣлымъ фосфоромъ, когда его такъ легко замѣнить краснымъ. Такихъ судей, которые осуждаютъ на цѣлые годы голода и лишеній и на смерть отъ истощенія, ни въ чемъ неповинныхъ женъ и дѣтей приговариваемыхъ ими людей, — такихъ звѣрей не существовало бы; прокуроры не стали бы требовать смертной казни для подсудимаго, ради того только, чтобы проявить свои ораторскіе таланты, и не нашлось бы ни тюремщиковъ, ни палачей для приведенія въ исполненіе приговоровъ, которыхъ судьи сами не хотятъ исполнять! — Да что тутъ говорить! У самого Плутарха не хватило бы словъ, чтобы расписать всѣ добродѣтели депутатовъ того блаженнаго времени, депутатовъ, которымъ противенъ самый видъ панамскихъ чековъ! Дисциплинарные батальоны стали бы разсадниками всякихъ добродѣтелей, а

постоянныя арміи — однимъ удовольствіемъ для гражданъ, такъ какъ ружья служили бы солдатамъ только для того, чтобы маршировать передъ няньками и дѣтьми, съ букетами цвѣтовъ, надѣтыми на штыки.

Какая прекрасная утопія, какая чудная святочная сказка создается въ нашемъ воображеніи, какъ только мы предположимъ, что люди, стоящіе у власти представляютъ собою высшій классъ людей, которому чужды, или почти чужды, слабости простыхъ смертныхъ! Достаточно было бы заставить чиновниковъ контролировать другъ друга, соотвѣтственно табели о рангахъ, и ограничить всего только двадцатью пятью нумерами количество рапортовъ и отношеній, которыми позволено будетъ канцеляріямъ обмѣниваться въ случаѣ, если гдѣ-нибудь вѣтеръ сломаетъ казенное дерево. (Теперь въ объединенной Франціи, чтобы продать казенное дерево, сломленное бурею, канцеляріи обмѣниваются 53-мя нумерами бумагъ.) Въ случаѣ надобности, можно, кромѣ того, предоставить надзоръ за чиновниками простымъ смертнымъ, которые въ государственныхъ утопіяхъ отличаются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ всевозможными пороками, но становятся олицетвореніемъ мудрости, какъ только имъ приходится выбирать себѣ правителей.

Вся наука государственнаго управленія, созданная самими правителями, проникнута этой утопіей. Но мы слишкомъ хорошо знаемъ людей, чтобы предаваться подобнымъ мечтамъ. Мы не прилагаемъ двухъ различныхъ мѣрокъ, смотря по тому идетъ ли рѣчь объ управителяхъ или объ управляемыхъ; мы знаемъ, что мы сами несовершенны и что даже самые лучшіе изъ насъ быстро испортились бы, если бы попали во власть. Мы беремъ людей такими, каковы они есть, и вотъ почему мы ненавидимъ всякую власть человѣка надъ человѣкомъ и стараемся всѣми силами — можетъ быть даже недостаточно — положить ей конецъ.

* * *

Но одного разрушенія недостаточно. Нужно также умѣть и созидать. Народъ всегда оказывался обманутымъ во всѣхъ революціяхъ, именно потому, что недостаточно думалъ объ этомъ созиданіи. Разрушивъ старое, онъ предоставлялъ всегда заботу о будущемъ буржуазіи, которая имѣла передъ нимъ то преимущество, что знала болѣе или менѣе ясно, чего хотѣла и такимъ образомъ возстановляла власть снова въ свою пользу.

Вотъ почему, стремясь къ уничтоженію власти во всѣхъ ея проявленіяхъ, къ уничтоженію законовъ и механизма, служащаго для того, чтобъ заставить имъ подчиняться, отрицая всякую лѣстничную организацію и проповѣдуя свободное со-

глашеніе, анархизмъ стремится, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ поддержанію и расширенію того драгоцѣннаго ядра привычекъ общественности, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое человѣческое, никакое животное общество. Только вмѣсто того, чтобы ждать поддержки этихъ общественныхъ привычекъ отъ власти нѣсколькихъ человѣкъ, онъ ждетъ его отъ постоянной дѣятельности всѣхъ.

Коммунистическія учрежденія и привычки необходимы для общества, не только какъ способъ разрѣшенія экономическихъ затрудненій, но также и для поддержанія и развитія тѣхъ привычекъ общественности, которыя сближаютъ людей, создаютъ между ними отношенія, обращающія пользу каждаго въ пользу всѣхъ — учрежденія, соединяющія людей вмѣсто того, чтобы разъединять ихъ.

* * *

Когда мы задаемъ себѣ вопросъ, какими средствами поддерживается въ человѣческомъ или животномъ обществѣ извѣстный нравственный уровень, мы находимъ всего три такихъ средства: преслѣдованіе и наказаніе противуобщественныхъ поступковъ, нравственное воспитаніе и широкое примѣненіе взаимной поддержки въ жизни. А такъ какъ эти три способа были уже испробованы, то мы можемъ судить о нихъ на основаніи ихъ результатовъ.

Что касается безсилія судебнаго наказанія, то оно достаточно доказывается тѣмъ безобразнымъ положеніемъ, въ которомъ находится современное общество, и самою необходимостью той революціи, къ которой мы стремимся и неизбѣжность которой мы всѣ чувствуемъ. Въ области хозяйственной система принужденія привела насъ къ фабричной каторгѣ; въ области политической — къ государству, т. е. къ разрушенію всѣхъ связей, существовавшихъ прежде между гражданами (якобинцы 1793 года разорвали даже тѣ связи, которымъ удалось устоять противъ королевской власти), съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ безформенную массу подданныхъ, подчиненную во всѣхъ отношеніяхъ одной срединной власти. Государственные законы и наказанія не только помогли создать всѣ бѣдствія современнаго хозяйственнаго, политическаго и общественнаго строя, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружили свою полную неспособность поднять нравственный уровень общества. Они не сумѣли даже удержать его на томъ уровнѣ на какомъ оно стояло. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы какая-нибудь благодѣтельная фея вдругъ развернула передъ нашими глазами всѣ тѣ преступленія, которыя совершаются въ цивилизованномъ обществѣ подъ прикрытіемъ неизвѣстности, протекціи высокопоставленныхъ лицъ и самого закона, общество

содрогнулось бы. За крупныя политическія преступленія вродѣ наполеоновскаго переворота 2-го декабря или кровавой расправы съ коммуной, или царскихъ расправъ въ каторгѣ и въ Шлиссельбургѣ, виновные никогда не несутъ наказанія; Некрасовъ правду сказалъ: „бичуютъ маленькххъ воришекъ для удовольствія большихъ.“ Мало того. Когда власть беретъ на себя задачу улучшать общественную нравственность „наказаніемъ виновныхъ“, она лишь порождаетъ рядъ новыхъ преступленій — въ судахъ и тюрьмахъ. Къ принужденію люди прибѣгали втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ и такъ безуспѣшно, что мы находимся теперь въ положеніи, изъ котораго не можемъ выйти иначе, какъ разрушивъ и уничтоживъ пинудительныя учрежденія нашего прошлаго.

Мы далеко не отрицаемъ значенія второго изъ упомянутыхъ средствъ: нравственнаго воспитанія, особенно такого, которое безсознательно передается въ обществѣ отъ одного къ другому и вытекаетъ изъ общаго свода всѣхъ мыслей и мнѣній, высказываемыхъ каждымъ изъ насъ относительно событій ежедневной жизни. Но эта сила можетъ вліять на общество только при одномъ условіи: если ей не будетъ препятствовать другое, безнравственное, воспитаніе, вытекающее изъ существующихъ государственныхъ учрежденій.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ея вліяніе сводится къ нулю, или даже оказывается вреднымъ. Возьмите христіанскую нравственность: какая другая нравственность могла бы имѣть такое сильное вліяніе на умы, какъ христіанская, говорившая отъ имени распятаго бога и дѣйствовавшая всею силою своей таинственности, всей поэзіей мученичества, всѣмъ величіемъ прощенія палачамъ? А между тѣмъ вліяніе государственныхъ учрежденій оказалось сильнѣе христіанской религіи. Христіанство было въ сущности возстаніемъ Іудеевъ противъ императорскаго Рима, но на дѣлѣ оно было покорено этимъ Римомъ, оно приняло его начала, его обычаи, его языкъ. Христіанская церковь проникнулась началами римскаго государственнаго права и, вслѣдствіе этого, явилась въ исторіи союзницей государства, — самаго отчаяннаго врага тѣхъ полу-коммунистическихъ учрежденій, къ которымъ взывало христіанство въ началѣ своего существованія.

Можемъ ли мы предположить, хотя бы на минуту, что нравственное воспитаніе, устанавливаемое подъ покровительствомъ министерскихъ циркуляровъ, будетъ имѣть ту творческую силу, которой не оказалось у христіанства? И что можетъ сдѣлать воспитаніе, хотя бы оно и стремилось сдѣлать людей дѣйствительно общественными, если противъ него будетъ стоять другое воспитаніе, ежедневное, вытекающее изъ суммы всѣхъ противо-общественныхъ привычекъ и

учрежденій?

Остается третій элементъ — само учрежденіе, дѣйствующее такъ, чтобы поступки, въ которыхъ проявляются чувства общественности, вошли въ привычку, сдѣлались дѣломъ инстинкта. Эта сила, какъ показываетъ намъ исторія, никогда не оказывалась безпомощною; никогда она не являясь обоюдоострымъ оружіемъ. И если случалось, что она не достигала своей цѣли, то только тогда, когда хорошій обычай, становясь понемногу неподвижнымъ, окристализованнымъ, обращался въ какую-то неприкосновенную религію и поглощалъ личность, отнимая у нея всякую свободу дѣйствія и тѣмъ самымъ вынуждая ее бороться съ тѣмъ, что становилось препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію.

Въ самомъ дѣлѣ, все то, что послужило въ прошломъ какъ элементъ развитія, прогресса, или какъ орудіе нравственнаго и умственнаго воспитанія человѣчества — все это вытекало изъ приложеній на практикѣ началъ взаимной поддержки и проявленія такихъ привычекъ, которыя признавали равенство между людьми, побуждали ихъ самихъ соединяться другъ съ другомъ, сплачиваться для производства и потребленія, или же для общей защиты, образовывать союзы и прибѣгать для рѣшенія возникавшихъ между ними споровъ къ посредникамъ, выбраннымъ изъ своей собственной среды.

Всякій разъ, когда эти учрежденія, рождавшіяся какъ продуктъ народнаго творчества въ тѣ эпохи, когда народъ завоевывалъ себѣ свободу, достигали въ исторіи наибольшаго развитія — всякій разъ и нравственный уровень общества, и его матеріальное благосостояніе, и его свобода, и его умственный прогрессъ, и развитіе личности — все поднималось. Всякій же разъ, когда наоборотъ, въ силу ли иностраннаго завоеванія, или въ силу развитія государственныхъ предразсудковъ, люди все больше и больше дѣлились на управителей и управляемыхъ, на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, — нравственный уровень общества понижался; вмѣсто благосостоянія большинства являлась нажива нѣкоторыхъ, и общій духъ вѣка быстро мельчалъ.

Этому учитъ насъ исторія, и именно изъ нея мы черпаемъ нашу вѣру въ учрежденія свободнаго коммунизма, какъ въ силу, которая способна поднять нравственный уровень общества, пониженный привычками государственности.

Въ настоящее время мы живемъ въ городахъ рядомъ съ другими людьми, даже не зная ихъ. Въ дни выборовъ мы встрѣчаемся другъ съ другомъ на собраніяхъ, слушаемъ лживыя обѣщанія или нелѣпыя рѣчи кандидатовъ и возвращаемся къ себѣ домой. Государство завѣдуетъ всѣми дѣлами, имѣющими общественный интересъ; на немъ лежитъ обязан-

ность слѣдить за тѣмъ, чтобы отдѣльные люди не нарушали интересовъ своихъ согражданъ, и, въ случаѣ надобности, исправлять нанесенный ими вредъ, наказывая виновныхъ. На немъ лежитъ забота о помощи голодающимъ, забота образованія, защита отъ враговъ и т. д. и т. д.

Вашъ сосѣдъ можетъ умереть съ голоду или заколотить на смерть своихъ дѣтей, — до васъ это не касается: это дѣло полиціи. Вы не знаете своихъ сосѣдей; васъ ничто не связываетъ съ ними и все разъединяетъ и, за неимѣніемъ лучшаго, вы просите у Всемогущаго (прежде это былъ богъ, а теперь государство), чтобы онъ не допускалъ противообщественныя страсти до ихъ крайнихъ предѣловъ.

Въ коммунистическомъ обществѣ дѣло, неизбѣжно, должно пойти иначе. Организацію коммунистическаго строя нельзя поручить какому-нибудь законодательному собранію, — парламенту, городскому или мірскому Совѣту. Оно должно быть дѣломъ всѣхъ, оно должно быть *создано* творческимъ умомъ самого народа; коммунизмъ нельзя навязать свыше. Безъ постоянной, ежедневной поддержки со стороны всѣхъ, онъ не могъ бы существовать; онъ задохся бы въ атмосферѣ власти.

Вслѣдствіе этого, коммунизмъ и не можетъ существовать иначе, какъ создавая тысячи точекъ соприкосновенія между людьми, по поводу ихъ общихъ дѣлъ. Онъ не можетъ жить иначе, какъ созидая *независимую мѣстную жизнь* для самыхъ мелкихъ единицъ: для каждой улицы, для каждой кучки домовъ, для каждаго квартала, для каждой общины и города. Онъ тогда только и можетъ достичь своей цѣли, если покроетъ общество цѣлою сѣтью артелей и обществъ, служащихъ для удовлетворенія всевозможныхъ потребностей: нужды довольства, роскоши, изученія, развлеченій и т. д. А эти общества точно также не могутъ оставаться чисто мѣстными; они неизбѣжно будутъ стремиться къ тому, чтобы стать всенародными и международными, какъ это происходитъ уже теперь съ учеными обществами, съ обществами велосипедистовъ, съ обществами для спасанія утопающихъ и пр.

И тѣ общественныя привычки, которыя неизбѣжно вызовѣтъ къ жизни коммунизмъ — хотя бы вначалѣ даже неполный коммунизмъ — окажутся несравненно сильнѣе для поддержанія и развитія существующаго уже ядра общественныхъ привычекъ, чѣмъ всѣ возможныя карательныя мѣры.

Вотъ отъ какой формы жизни, отъ какого общественнаго строя мы ждемъ развитія духа взаимнаго соглашенія. Замѣтимъ кстати, что эти соображенія служатъ также отвѣтомъ тѣмъ, кто утверждаетъ что коммунизмъ и анархизмъ несовмѣстимы.

На дѣлѣ они составляютъ необходимое дополненіе другъ для друга.

Полное развитіе личности и ея личныхъ особенностей можетъ имѣть мѣсто — по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ товарищей — только тогда, когда первыя, главныя потребности человѣка въ пищѣ и жильѣ удовлетворены, когда его борьба за жизнь, противъ силъ природы, упростилась, когда его время не поглощено тысячами мелкихъ заботъ о поддержаніи своего существованія. Тогда только умъ, художественный вкусъ, изобрѣтательность и вообще всѣ способности человѣка могутъ развиваться свободно.

Коммунизмъ представляетъ собою, такимъ образомъ, лучшую основу для развитія личности — не того индивидуализма, который толкаетъ людей на борьбу другъ съ другомъ и который только и былъ намъ до сихъ поръ извѣстенъ, а того, который представляетъ собою полный расцвѣтъ всѣхъ способностей человѣка, высшее развитіе всего, что въ немъ есть оригинальнаго, наибольшую дѣятельность его ума, чувствъ и воли.

* * *

Таковъ нашъ идеалъ, и что намъ за дѣло до того, что во всей своей полнотѣ онъ осуществится лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ! Его частное осуществленіе мы можемъ начать сейчасъ же, среди насъ самихъ; его идеи мы должны распространять, какъ можно шире, не медля ни минуты, — и тогда мы увидимъ какъ наши отдаленныя стремленія повліяютъ на каждый шагъ впередъ, который сдѣлаетъ общество, какъ они отразятся на всѣхъ воззрѣніяхъ относительно того, что слѣдуетъ дѣлать сейчасъ же, какъ отнестись къ каждому частному вопросу.

Наше дѣло — открыть, прежде всего, путемъ изученія современнаго общественнаго строя, его стремленія, его направленіе, свойственныя ему въ данный моментъ развитія, и указать эти стремленія. Затѣмъ — осуществить эти стремленія въ нашихъ сношеніяхъ съ нашими единомышленниками; и, наконецъ, заняться, уже теперь, и въ особенности съ наступленіемъ революціоннаго періода, разрушеніемъ учрежденій и предразсудковъ, стѣсняющихъ развитіе этихъ стремленій.

Это — все, что мы можемъ дѣлать, какъ мирнымъ, такъ и революціоннымъ путемъ. Но мы знаемъ, что, способствуя проявленію этихъ стремленій, мы содѣйствуемъ прогрессу, и что все, что идетъ *противъ* нихъ, можетъ только задержать прогрессъ.

Намъ часто говорятъ о промежуточныхъ ступеняхъ, которыя общество *должно* будетъ пройти, и намъ предлага-

ютъ бороться за достиженіе того, на что намъ указываютъ, какъ на первый этапный пунктъ; впослѣдствіи, говорятъ намъ, можно выйти на истинную дорогу, послѣ того, какъ мы достигнемъ перваго этапа.

Мнѣ кажется, однако, что разсуждать такимъ образомъ значитъ совершенно не понимать настоящаго характера человѣческаго прогресса, и пользоваться сравненіемъ, взятымъ изъ военнаго дѣла и, въ сущности, довольно неудачнымъ. Человѣчество не представляетъ собою ни катящагося шара, ни даже марширующей колонны солдатъ. Оноееть такое цѣлое, развитіе котораго состоитъ въ развитіи составляющихъ его милліоновъ; и если мы уже непремѣнно хотимъ дѣлать сравненія, то матеріалъ для такихъ сравненій надо брать скорѣе изъ законовъ развитія живыхъ существъ, чѣмъ изъ законовъ движенія неживыхъ тѣлъ.

Въ дѣйствительности, каждый шагъ въ развитіи общества представляетъ собою равнодѣйствующую умственныхъ дѣятельностей всѣхъ составляющихъ его единицъ, и онъ носитъ на себѣ отпечатокъ воли каждой изъ нихъ. Каковъ бы ни былъ новый видъ развитія, который готовитъ намъ двадцатый вѣкъ, онъ неизбѣжно будетъ носить на себѣ отпечатокъ тѣхъ идей безгосударственной свободы, которыя уже начинаютъ пробуждаться теперь. Глубина этого движенія будетъ зависѣть отъ числа умовъ, порвавшихъ съ государственными предразсудками, отъ энергіи, съ которой они будутъ разрушать старыя учрежденія, отъ впечатлѣнія, которое они произведутъ на общество, отъ ясности, съ которой общественный строй освободившагося общества будетъ обрисовываться въ умахъ этой массы. Но мы можемъ сказать уже теперь — напримѣръ, относительно Франціи, — что пробужденіе идей безгосударственной свободы дало французскому обществу извѣстный толчекъ, и что будущая революція во Франціи ни въ какомъ случаѣ уже не будетъ той якобинской, сосредоточенной [централизованной] революціей, какой она была бы, если бы произошла двадцать лѣтъ тому назадъ.

Разъ анархическія идеи не представляютъ собою измышленія какой нибудь отдѣльной личности, или группы, а вытекаетъ изъ всего идейнаго движенія нашего времени, мы можемъ быть увѣрены, что, каковы бы ни были результаты будущей революціи, она уже не приведетъ насъ ни къ централизованному и диктаторскому коммунизму сороковыхъ годовъ, ни къ государственному коллективизму.

„Первый этапный пунктъ" навѣрное не будетъ, слѣдовательно, тѣмъ, что понимали подъ этимъ первымъ шагомъ всего какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ.

Я уже замѣтилъ, что поскольку мы можемъ судить объ этомъ на основанiи нашихъ наблюденiй, передъ всей соцiалистической партiей возникла въ настоящее время громаднѣйшая задача: — какъ согласовать ея общественныя хозяйственный идеалъ съ движенiемъ въ сторону свободы личности, начинающимся въ умахъ массы? Затѣмъ, въ предъидущихъ революцiяхъ недоставало заботы о пробужденiи духа народнаго почина. Теперь же люди начинаютъ понимать, что безъ пробужденiя именно этого почина, — повсемѣстно, въ каждомъ городѣ и деревушкѣ, — нѣтъ никакой возможности совершить громаднѣйшiй экономическiй переворотъ, который требуется совершить.

Отсутствiе организаторскаго творческаго почина въ народныхъ массахъ было, въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который разбились всѣ прошлыя революцiи. Очень сильный по своей сообразительности въ нападенiи, народъ не проявлялъ почина и творческой мысли въ дѣлѣ построенiя новаго зданiя. Народъ дрался на баррикадахъ, бралъ дворцы, выгонялъ старыхъ правителей, но дѣло новой постройки онъ предоставлялъ образованнымъ классамъ, т. е. той же буржуазiи. У буржуазiи же былъ свой общественный идеалъ, она знала приблизительно чего именно она хотѣла, знала что можно будетъ извлечь, въ ея собственныхъ интересахъ, изъ общественной бури. И, какъ только революцiя ломала старые порядки, буржуазiя бралась за постройку, въ свою пользу.

Въ революцiи разрушенiе составляетъ только часть работы революцiонера. Ему приходится, кромѣ того, сейчасъ же строить вновь. И вотъ эта постройка можетъ произойти, — либо по старымъ рецептамъ, заученнымъ изъ книгъ и навязываемымъ народу всѣми защитниками стараго — всѣми неспособными додуматься до новаго. Или же перестройка начнется на новыхъ началахъ; т. е. въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ начнется самостоятельная постройка соцiалистическаго общества, подъ влiянiемъ нѣкоторыхъ общихъ началъ, усвоенныхъ массою, которая будетъ искать ихъ практическаго осуществленiя на мѣстѣ, въ сложныхъ отношенiяхъ, свойственныхъ каждой мѣстности. Но для этого у народа долженъ быть свой идеалъ, для этого въ его средѣ должны быть люди почина, инициативы. *)

---

* Возьмите, напримѣръ, Парижскую коммуну 1871-го года. Не ученые, не руководители народа, даже не вожаки Международнаго Союза Рабочихъ шепнули парижскому народу, что надо провозгласить коммуну; что въ независимомъ городѣ, объявившемъ, что онъ не намѣренъ ждать ,пока

А между тѣмъ именно эту инициативу рабочаго и крестьянина сознательно или безсознательно душили всѣ партіи — въ томъ числѣ и соціалисты — ради партійной дисциплины. Всѣ распоряженія исходили изъ центра, отъ комитетовъ, а

вся Франція дойдетъ до идей радикальной, соціалистической [или, по крайней мѣрѣ, равенственной] республики, надо начать водворять такую республику. Эта идея жила въ Парижѣ, въ народѣ, съ 1793 года; ее развивалъ 1848 году Прудонъ; она гнѣздилась, полу-сознаная — полу-чувство и полу-мысль — въ умахъ парижскихъ рабочихъ. И они — даже сюрпризомъ для большинства вожаковъ — провозгласили Коммуну. Они объявили, что имъ нѣтъ дѣла до Франціи-государства; что они у себя, въ своемъ любимомъ Парижѣ, намѣрены начать нѣчто новое: выступить на новый, смутно-соціалистическій путь, точно также какъ въ 1793 мъ году въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ восточной Франціи мѣстный Робеспьеръ и мѣстный Маратъ выступали на новый, не-феодальный путь: выгоняли старыхъ чиновниковъ, вооружались, отнимали общинныя земли назадъ, жгли уставныя грамоты и т. д. И, не дожидаясь никого, парижскіе блузники, рабочіе, организовывали военную защиту города, организовывали почту [на диво англійскимъ корреспондентамъ[и начали [только подъ конецъ, къ несчастію] организовать общинное кормленіе. Если бы, въ эту пору, у парижскаго народа, кромѣ идей равенства и идеи Коммуны, было бы также и смутное сознаніе, что дома должны быть отобраны у теперешнихъ хозяевъ Коммуною, что Коммунѣ, т. е. самимъ блузникамъ, надо организовать кормленіе всего города, а также производство всего, что нужно для этого, — тогда Коммуна, быть можетъ, и не погибла бы вмѣсто 35,000 защитниковъ она вѣроятно имѣла бы втрое больше; и тогда Тьеръ съ Бисмаркомъ, по всей вѣроятности, не справились бы съ нею. Но этихъ мыслей у рабочихъ въ то время еще не было; а отъ буржуа ,даже отъ ярыхъ революціонеровъ изъ средняго сословія, ихъ конечно нечего было ждать. Такимъ образомъ Парижская Коммуна указала намъ одно: Соціальная революція должна начаться *мѣстно*; она можетъ быть сдѣлана *только народнымъ почином*ъ — не сверху, а снизу. А *какъ* ее сдѣлать, хоть бы и въ одномъ городѣ? съ чего начинать ? намъ выпадаетъ на долю обдумать это. Нашъ отвѣтъ, въ общихъ чертахъ, таковъ; начинать съ кормленія всѣхъ, съ устройства всѣхъ въ порядочномъ жильѣ; говоря учено, съ *распредѣленія*. Производство же должно устроиться *согласно надобностямъ распредѣленія*.

мѣстнымъ органамъ оставалось только подчиняться, чтобы не нарушать единства организаціи цѣлая система воспитанія, цѣлая ложная исторія, цѣлая непонятная наука были выработаны съ этой цѣлью.

Вотъ почему тѣ, кто будетъ стремиться уничтожить этотъ устарѣлый и вредный пріемъ, кто сумѣетъ разбудить въ личностяхъ и въ группахъ духъ почина, кому удастся положить эти принципы въ основу своихъ поступковъ и своихъ отношеній съ другими людьми, кто пойметъ, что въ разнообразіи и даже въ борьбѣ заключается жизнь и что единообразіе есть смерть, тотъ потрудится не для будущихъ вѣковъ, а для ближайшей революціи.

* * *

Еще нѣсколько словъ.

Мы не боимся „злоупотребленія свободой". Только тѣ, кто ничего не дѣлаютъ, не дѣлаютъ промаховъ. Что же касается людей, умѣющихъ только повиноваться, то и они дѣлаютъ столько же промаховъ и ошибокъ, или даже больше, чѣмъ люди, которые ищутъ свой путь сами, стараясь дѣйствовать въ томъ направленіи, на которое ихъ толкаетъ складъ ихъ ума, въ связи съ воспитаніемъ, которое имъ дало общество. Нѣтъ сомнѣнія, что дурно понятая и въ особенности дурно истолкованная идея свободы личности можетъ повести — въ особенности въ средѣ, гдѣ понятіе солидарности не достаточно вошло въ учрежденія — къ поступкамъ, возмущающимъ общественную совѣсть. Допустимъ же заранѣе, что это будетъ случаться. Но, достаточная ли это причина для того, чтобы отвергнуть вообще начала свободы? Достаточная ли это причина для того, чтобы согласится съ тѣми, кто восхваляетъ цензуру для предотвращенія „злоупотребленій" освобожденной печати и гильотинируетъ людей передовыхъ партій ради поддержанія единообразія и дисциплины? Въ концѣ концовъ, какъ намъ показалъ опытъ 1793 года, — вѣдь это лучшее средство чтобы подготовить торжество реакціи.

Единственное, что мы можемъ сдѣлать при видѣ противообщественныхъ поступковъ, это отказаться отъ правила: „каждый за себя, а государство за всѣхъ" и найти въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы выражать открыто наше мнѣніе. Это, конечно, можетъ повести къ борьбѣ, — но борьба и есть жизнь. Притомъ же, такая борьба приведетъ и насъ самихъ къ болѣе справедливой оцѣнкѣ большинства поступковъ, чѣмъ та, которую мы сдѣлали бы подъ исключительнымъ вліяніемъ нашихъ установленныхъ понятій. Многія ходячія понятія нравственности тоже нуждаются въ переоцѣнкѣ.

Когда нравственный уровень общества понизился до такой степени, до какой онъ понизился у насъ, тогда мы должны предвидѣть заранѣе, что протестъ противъ такого общества будетъ принимать иногда такія формы, которыя будутъ насъ коробить; но этого еще не достоточно, чтобы заранѣе осудить всякій протестъ. Конечно, насъ глубоко возмущаютъ отрубленныя головы, насаженныя на пики въ 1789 году, но не представляли ли они собою послѣдствій висѣлицъ стараго королевскаго порядка и желѣзныхъ клѣтокъ о которыхъ намъ говорилъ Викторъ Гюго? Будемъ надѣяться, что избіеніе тридцати пяти тысячъ парижанъ въ 1871 г. и осада Парижа Тьеромъ не оставили слишкомъ много жестокости въ характерѣ французскаго народа; будемъ надѣяться, что развратъ высшихъ классовъ, обнаружившійся въ недавнихъ процессахъ, не окончательно разъѣлъ еще сердце націи. Да, будемъ надѣяться на это, будемъ содѣйствовать этому! Но если бы наши надежды насъ обманули, — то неужели вы молодые соціалисты, отвернетесь отъ возставшаго народа только потому, что жестокость теперешнихъ господствующихъ классовъ оставила въ его умѣ нѣкоторые слѣды? что отъ грязи, царившей наверху далеко разлетѣлись брызги во всѣ стороны?

* * *

Нѣсъ сомнѣнія, что глубокій переворотъ, совершающійся въ умахъ, не можетъ оставаться исключительно въ области мысли, а долженъ перейти въ область дѣйствій. Какъ справедливо замѣтилъ слишкомъ рано похищенный смертью молодой философъ Маркъ Гюйо (въ одной изъ самыхъ лучшихъ книгъ, написанныхъ за послѣдніе тридцать лѣтъ*) между мыслью и дѣломъ нѣтъ рѣзкой пропасти — по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто не привыкъ къ современной софистикѣ. Мысль есть уже начало дѣла.

Вотъ почему анархическія идеи вызвали, во всѣхъ странахъ и во всевозможныхъ формахъ, цѣлый рядъ дѣйствій протеста: сначала — протеста личнаго противъ Капитала и Государства, затѣмъ протеста коллективнаго, въ видѣ стачекъ и рабочихъ бунтовъ причемъ и тотъ и другой видъ протеста подготовляютъ, какъ въ умахъ, такъ и въ жизни, возстаніе массовое, т. е. революцію. Соціализмъ и анархизмъ въ этомъ отношеніи лишь слѣдовали за тѣмъ развитіемъ „идей-силъ“ (мыслей, ведущихъ къ дѣламъ), которое всегда наблюдается при приближеніи крупныхъ народныхъ возстаній.

*) Нравственность безъ принужденія и безъ санкціи.

Вотъ почему было бы ошибкою со стороны другихъ и наглостью съ нашей стороны приписывать исключительно анархизму всѣ рѣзкія проявленія протеста. Если пересмотрѣть всѣ подобныя проявленія за послѣднюю четверть вѣка, мы увидимъ, что они исходили отовсюду.

По всей Европѣ происходило множество рабочихъ и крестьянскихъ бунтовъ. Стачка, бывшая когда то „войной со сложенными руками", теперь безпрестанно переходитъ въ бунты, достигая иногда — напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Бельгіи, въ Андалузіи — размѣровъ обширныхъ возстаній. *) Такіе стачечные бунты, перешедшіе въ возстаніе, насчитываются дюжинами, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ.

Съ другой стороны, акты единичнаго протеста принимаютъ всевозможныя формы, и всѣ революціонныя партіи прибѣгаютъ къ нимъ. Передъ нами проходятъ: молодая революціонерка Вѣра Засуличъ, — просто соціалистка, — стрѣлявшая въ Трепова; соціалъ демократъ Гедель и республиканецъ Нобилингъ, стрѣлявшіе въ германскаго императора; рабочій-бочаръ Отеро, стрѣлявшій въ испанскаго короля, и религіозный мадзиніанецъ Пассананте, покушавшійся на итальянскаго короля. Затѣмъ мы видимъ аграрныя убійства въ Ирландіи и взрывы въ Лондонѣ, организованныя ирландскими націоналистами, ненавидящими и соціализмъ и анархизмъ. Мы видимъ цѣлое поколѣніе русской молодежи — соціалистовъ, конституціоналистовъ и якобинцевъ — объявившихъ безпощадную войну Александру II и заплатившихъ за этотъ походъ противъ самодержавія тридцатью пятью висѣлицами и цѣлыми сотнями замученныхъ въ Шлиссельбургѣ и Сибири. Многочисленныя покушенія происходятъ точно также среди углекоповъ — бельгійскихъ, англійскихъ и американскихъ. И только къ концу этого періода появляются въ Испаніи и во Франціи анархисты со своими проявленіями протеста.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, втеченіе всего этого періода, избіенія — массовыя и отдѣльныя — организуемыя правительствами, не прекращаются. Версальское собраніе избиваетъ, при знакахъ одобренія всей европейской буржуазіи, тридцать пять тысячъ парижскихъ рабочихъ, большею частью плѣнныхъ побѣжденной коммуны. „Пинкертонскіе разбойники" — частная армія, содержимая богатыми американскими капиталистами — избиваетъ стачечниковъ. Попы подстрекаютъ слабоумнаго человѣка стрѣлять въ Луизу Мишель, которая, какъ истинная анархистка, спасаетъ его изъ рукъ правосудія, беря его подъ

*) Также въ Миланѣ и въ Сициліи.

свою защиту. Внѣ Европы происходятъ избіенія индѣйцевъ въ Канадѣ, убійство Риля, истребленіе Матабелей, бомбардировка Александріи, не говоря уже о тѣхъ бойняхъ, которымъ даютъ названіе войнъ — тонкинской, мадагаскарской и другихъ.*) Наконецъ ежегодно приговариваютъ возстающихъ рабочихъ Стараго и Новаго свѣта къ годамъ тюрьмы, въ общемъ насчитывающимся сотнями и даже тысячами, и осуждаютъ такимъ образомъ на самую ужасную нищету ихъ женъ и дѣтей, которыя платятся за такъ называемыя преступленія отцовъ, другихъ же возставшихъ ссылаютъ въ Сибирь, на острова Тремини, Липарію и Пантеларію, въ Бириби,**) въ Нумею, въ Гвіану, и въ этихъ мѣстахъ ссылки разстрѣливаютъ ссыльныхъ за малѣйшее неповиновеніе.***)

Какая бы получилась страшная книга, если бы кто-нибудь далъ перечень всѣхъ страданій, перенесенныхъ за послѣднюю четверть вѣка рабочимъ классомъ и его защитниками! Сколько ужасающихъ подробностей, неизвѣстныхъ публикѣ, — подробностей, которыя преслѣдовали бы васъ какъ кошмаръ, если бы я сталъ разсказывать ихъ сегодня! Какой взрывъ негодованія произвела бы каждая страница такого мартиролога современныхъ провозвѣстниковъ великой соціальной революціи! Но вѣдь эта книга пережита нами: каждый изъ насъ пробѣжалъ по крайней мѣрѣ нѣсколько ея страницъ, полныхъ крови и ужасающихъ мукъ...

И вотъ, имѣя передъ собою эту массу горя, эти казни, эти

---

*) Какъ теперь пришлось бы удлинить этотъ списокъ бойнями англичанъ въ Африкѣ, русскихъ въ Манджуріи и т. д. и т. д.!

**) Исправительные военные батальоны Франціи въ Алжиріи, гдѣ происходятъ такія неслыханныя звѣрства, которыя и николаевскимъ палачамъ не снились. Въ Гвіанѣ [оффиціальные источники] одна треть ссыльныхъ умираетъ каждый годъ! Туда и ссылаютъ анархистовъ.

***) Наконецъ, здѣсь же слѣдовало бы упомянуть про пытки анархистовъ въ крѣпости Монжуихъ въ Испаніи. Мы не вѣрили сперва возможности этихъ звѣрствъ: трехдневное сѣченіе, каски съ винтами, надѣвавшіяся на голову, выдергиваніе ногтей... Но пришлось сдаться передъ очевидностью фактовъ и докторскихъ свидѣтелствъ, когда, послѣ того какъ анархисты убили перваго министра Кановаса, и послѣ постоянныхъ угрозъ королевѣ, она вмѣшалась, наконецъ, а затѣмъ поднялось общественное мнѣніе, и нѣкоторые изъ пытанныхъ были выпущены. Теперь всѣ они, приговоренные послѣ пытокъ къ пожизненной каторгѣ, выпущены на волю. Нѣкоторые изъ пытанныхъ съ нами, въ Лондонѣ.

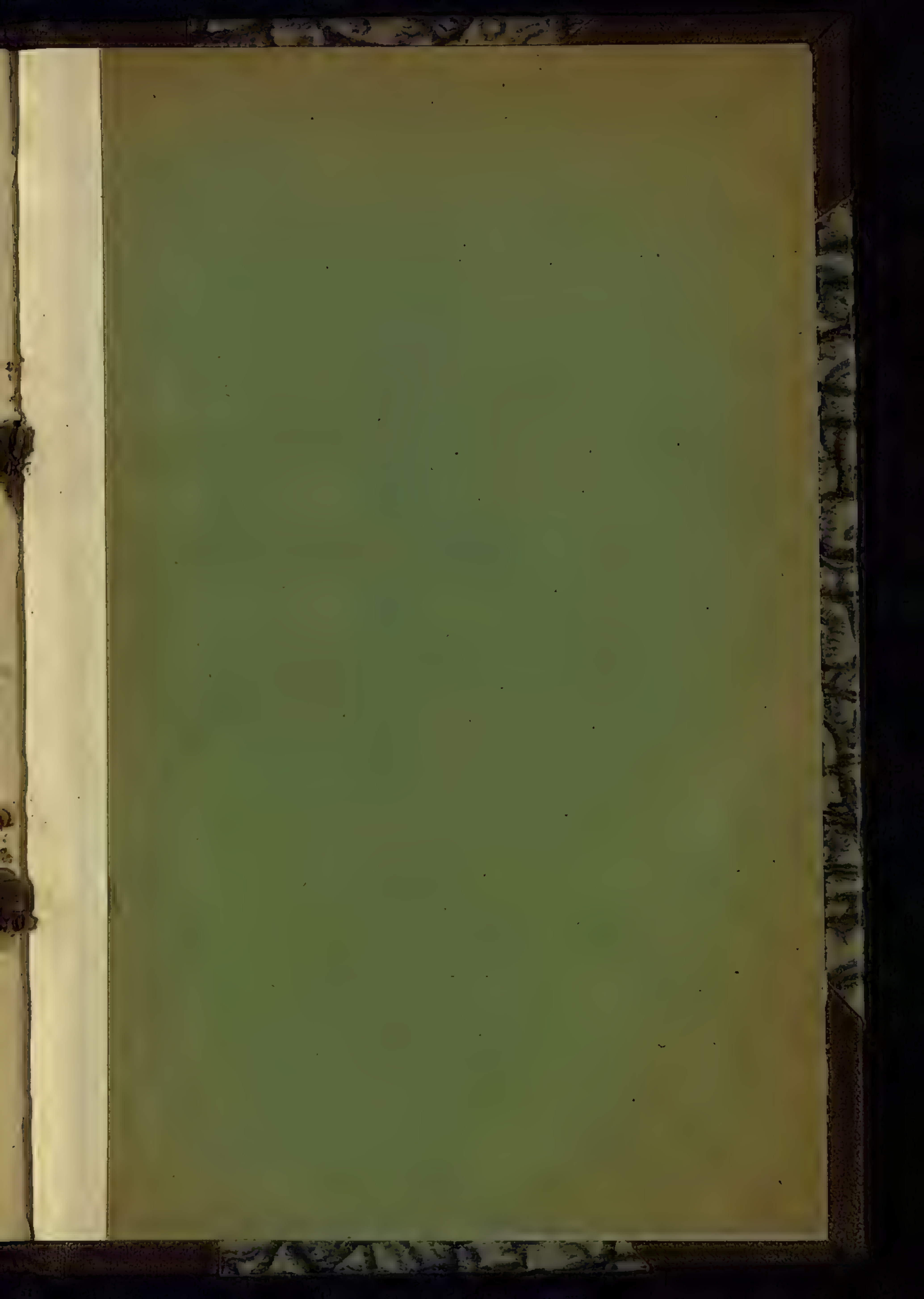
ссылки въ Гвіант, въ Сибирь, въ Нумею, люди еще смѣютъ ставить въ упрекъ возставшему рабочему его неуваженіе къ человѣческой жизни!

Между тѣмъ, все въ нашей теперешней жизни стремится заглушить уваженіе къ жизни человѣка! Судья, отдающій приказаніе повѣсить или голову отрубить, и его замѣститель-палачъ, задушивающій людей среди бѣлаго дня въ Мадридѣ, или гильотинирующій ихъ въ утреннемъ туманѣ въ Парижѣ, при смѣхѣ собравшихся подонковъ общества; генералъ, совершающій избіенія въ Тонкинѣ или Туркменіи, и газетный корреспондентъ, старающійся покрыть славою убійцъ хозяинъ отравляющій своихъ рабочихъ свинцовыми бѣлилами, потому что, по его словамъ, „замѣна ихъ цинковыми бѣлилами на столько то копѣекъ дороже" англійскій якобы географъ Стэнли, убивающій старуху, чтобы она не разбудила своими криками негритянскую деревню, и нѣмецкій географъ, вѣшающій за „невѣрность" негритянскую дѣвушку, которую онъ взялъ себѣ въ сожительницы военный судъ, ограничивающійся дв/хнедѣльнымъ арестомъ, когда дѣло идетъ о тюремщикѣ изъ Бириби, уличенномъ въ убійствѣ.., все, все, рѣшительно все въ современномъ обществѣ учитъ полному презрѣнію къ человѣческой жизни — какъ къ товару, который такъ дешево стоитъ на рынкѣ! И тѣ, кто казнитъ, убиваетъ, истребляетъ этотъ дешевый человѣческій товаръ, кто возводитъ въ религіозный догматъ правило, что для общественнаго спасенія нужно вѣшать, разстрѣливать и убивать еще, смѣютъ жаловаться на недостаточное уваженіе къ человѣческой жизни со стороны революціонеровъ...

Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока общество будетъ слѣдовать закону кровавой мести, пока вѣра и законъ, казарма и судъ, тюрьма и фабричная каторга, печать и школа будутъ продолжать учить полному презрѣнію къ человѣческой жизни, — до тѣхъ поръ не требуйте уваженія къ ней со стороны тѣхъ, кто возстаетъ противъ этого общества! Это значило бы требовать отъ нихъ доброты и великодушія, которыхъ нѣтъ теперь въ обществѣ.

Если вы хотите, вмѣстѣ съ нами, полнаго уваженія къ свободѣ, а слѣдовательно и къ жизни личности, вы неизбѣжно должны отвергнуть всякое управленіе человѣка человѣкомъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось вы должны принять начала анархизма, которыя вы до сихъ поръ презирали. А принявши ихъ, вы должны будете стремится вмѣстѣ съ нами, къ отысканію такихъ общественныхъ формъ, которыя бы лучше всего соотвѣтствовали этому идеалу и положили бы конецъ всѣмъ возмущающимъ васъ актамъ насилія.

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ «ХЛѢБЪ И ВОЛЯ»:

Полный комплектъ газеты «Хлѣбъ и Воля» (24 номера

без переплета 2 шил. 6 пенс.
въ переплетѣ 3 — 3 —

Государство, его роль въ исторіи, П. Кропоткина 6 —

Будущее общество, Жанъ Грава . . . 1 — 2 —

Памяти Чикагскихъ Мучениковъ, К. Пліашвили 2½ —

Парижская Коммуна, Ж. Герцига . . . . . 2 —

Бунтовской Духъ, Петра Кропоткина . . . . 2 —

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ РУССКИХЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ:

Современная Наука и Анархизмъ, П. Кропоткина 4 пенс.

Хлѣбъ и Воля, П. Кропоткина. . . . 1 шил. 6 —

Доклады Парижскому Международному Революціонному Конгрессу 1900-го года. . . . . 9 —

Распаденіе современнаго строя, П. Кропоткина, выпускъ 1-ый. 7½ —

Умирающее общество и Анархія, Ж. Грава 1 — 2 —

Доктрины Марксизма, В. Черкезова, , , , , 6 —

„Новый походъ противъ Соціальдемократіи“ 3½ —

За пересылку платится отдѣльно.

Заказы Корр. и деньги просятъ присылать на имя

Veinberg 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

